

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

Проблемы Северо-Кавказского федерального округа

Материалы круглого стола

Москва
Научный эксперт
2010

УДК 321.011.3(470.6)

ББК 67.400.532.22

П 78

П 78 Проблемы Северо-Кавказского федерального округа. Материалы круглого стола. . — М.: Научный эксперт, 2010. — 112 с.

ISBN 978-5-91290-111-9

Академия геополитических проблем и Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования провели углубленный мозговой штурм современных проблем Кавказа. Анализ, которому подвергли ситуацию участники, получился открытым, профессиональным и конструктивным. Вопросы: «Что происходит?», «Почему?» и «Что делать?» — получили конкретные ответы.

Результаты анализа, представленные в этом издании, адресованы заинтересованным специалистам.

УДК 321.011.3(470.6)

ББК 67.400.532.22

ISBN 978-5-91290-111-9

© Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого
проектирования, 2010

Содержание

С.С. Сулакишин. Вступительное слово.....	4
Тема круглого стола	
Проблемы Северо-Кавказского федерального округа	
Доклад	
Д.Ш. Халидов. Кризис на Северном Кавказе: что делать? К вопросу формирования новой «повестки дня» для Полпредства СКФО.....	5
Вопросы к докладчику и ответы.....	54
Выступления	
И.Б. Орлов. Кавказ подобен «спящему» заряду, который может быть подорван в любой момент.....	78
А.О. Булатов. Мы перешли к периоду до Кавказской войны	85
И.А. Гундаров. Народ долго помнит обиду, особенно горский	89
В.Э. Багдасарян. Кавказ и большая геополитика	92
К.В. Сивков. Проблемы Кавказа и глобальная ситуация.....	96
С.С. Сулакишин. Проблема не в Кавказе. Проблема в России.....	100
Заключительное слово докладчика.....	105
Участники круглого стола	108

Вступительное слово

*С.С. Сулакишин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук*

Уважаемые коллеги! Я хочу поприветствовать всех присутствующих — в особенности наших гостей, которые представляют Академию геополитических проблем.

Сегодня предстоит достаточно интересное событие — круглый стол. Но он не простой. Как если яблоко разломить пополам, то видны такие две ярко выраженные доли. Сегодня встречаются две аналитические организации — Академия геополитических проблем и Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Одна из задач встречи, которая мне видится, — это попробовать найти столь необходимый межлабораторный, междисциплинарный стиль общения, способ соединения экспертных методов, потенциалов, результатов. Попробовать заполнить всю интеллектуальную цепочку, которую редко когда удается полностью заполнять в таких звеньях, как высокие ценностные смыслы, проблемные поля, цели, задачи, возникающие в их связи, и вплоть до проектных предложений, проектных документов, в особенности апеллирующих к государственному управлению, к высокому уровню политических решений и политических действий. Научно-экспертная часть абсолютно важна, интересна, но она значительно усиливает свой потенциал, свою смысловую нагрузку, если наполняется потенциалом рекомендаций, предложений. Проектами реальных документов, которые могут иметь шанс на реализацию в жизни, на исправление каких-то обстоятельств к лучшему.

Кризис на Северном Кавказе: что делать?¹
К вопросу формирования новой «повестки дня»
для Полпредства СКФО

Д.Ш. Халидов

Созданием нового Федерального округа (СКФО) федеральный Центр (ФЦ) наконец-то признал методологическую ограниченность подходов к управлению регионом. Но дискурс вновь свелся к избитым темам «контроля за эффективным использованием федеральных средств» и «необходимости новых инвестиций». Проще говоря, надежды снова возлагаются на «чисто» социально-экономические меры и дополнительные инвестиции, подкрепленные более жестким контролем за местной бюрократией и бюджетными расходами. В который уже раз мы становимся свидетелями вульгарных интерпретаций марксизма и редукции всей проблематики региона к «чисто» экономическим факторам.

Между тем, правильная постановка проблемы и адекватный методологический подход серьезно может приблизить нас к решению назревших в регионе проблем. Проще всего сказать, что кризис не на Северном Кавказе, а в федеральном Центре и в России в целом. Только в регионе проблемы более выпукло высвечиваются — и в силу особенностей региона, и в силу специфического «заказа». В экспертном сообществе довольно распространено мнение, что в Центре существуют влиятельные силы, которым выгоден постоянный очаг напряжения в регионе: есть куда и на кого списать проблемы страны. Доказательство этой рабочей гипотезы отнимет у нас

¹ Тезисы представляют собой краткое изложение содержания монографии автора «Северный Кавказ: что делать? — Системный анализ, назревшие меры и актуальные проекты». М.: Изд-во РГТЭУ, 2010. С. 110.

много времени. Хотя в ряде своих научных статей я также обосновывал этот подход. Но в нашем анализе мы не будем останавливаться на этом.

В чем отличие нашего методологического подхода к анализу ситуации в регионе?

Здесь нам не обойтись без хотя бы краткого анализа общероссийского контекста и критики методологических принципов, на которые опирались отечественные «реформаторы» из неолиберальной «партии». Будучи воспитанниками школы догматического или вульгарного марксизма они оперировали понятиями «базис — настройка». Соответственно, достаточно было демонтировать старый (экономический) базис госсocialизма, приватизировать собственность и построить на его месте новый капиталистический. А настройка — политическая и социокультурная — уже сама трансформируется и постепенно начнет соответствовать новому экономическому базису. Эдакие либеральные «большевики», которые потом искренне удивлялись: что же это у них получилось в результате? И ничего лучше не нашли, кроме ответа типа «народ не тот попался, не дорос он до рыночных институтов» (?!). Без комментариев...

Но беда заключалась еще и в другом. Отечественные рыночные (или неолиберальные) фундаменталисты не были одиноки в своих методологических заблуждениях. В англосаксонской политологической и экономической школе также сильны аналогичные традиции. Абсолютизация материальных факторов в эволюции обществ, когда все богатство мотивов и ценностей редуцировалось до «чисто» экономического содержания, игнорирование самостоятельной и активной роли политических традиций и социокультуры в развитии обществ — характерная особенность для немалой части западного научного сообщества. Фридменовская школа неолиберализма, на которую опирались наши либерал-фундаменталисты, — из этого разряда «научной» школы. Слово «научная» не случайно взято в кавычки. Рецепты этой

школы — «ответ», заказанный финансовой олигархией Запада, в условиях экономического кризиса начала 1970-х гг.

В западной политологии такой подход дополнялся вплоть до 1980-х гг. соответствующим концептуальным аппаратом. Анализ проводился, и до сих пор ведется (в частности, в России), в дихотомических терминах «*современное (индустриальное или постиндустриальное) общество — традиционное общество*». Типичное «современное» общество априори считается выше по своим характеристикам обществ традиционного типа. К традиционным же относят общества стран III-го развивающегося мира и даже некоторые сегменты обществ II-го мира — в частности, Восточной Европы и постсоветских стран. Разумеется, критерий здесь «чисто» рыночный, экономический.

В рамках подобного методологического подхода нормы, ценности, нравы традиционного общества, включая и политическую культуру, суть то, что необходимо *модернизировать*. Изменить настолько «круто», насколько это необходимо, чтобы рыночные институты функционировали безотказно. Даже вопреки мощному сопротивлению культуры и традиций России, не просто реформам политическим и экономическим, а именно *такому типу реформ*. Беда только в том, что нынешние неолибералы — как, впрочем, и либералы России второй половины XIX в. и начала XX в., — будучи отчуждены от народа, не чувствуют его культуру и чаяния. На бессознательном уровне присутствует вера во всеислие социальной инженерии и «чисто» институционального подхода: «*вот мы возьмем и изменим законы, создадим соответствующие институты, а люди, общество сами подтянутся под них*». Концепция модальной личности, на которую опираются такого рода горе-реформаторы, представляет собой «экспортную» модель, некритически перенятую из чужой (и чуждой) культуры, чужих традиций. И она (эта концепция) адекватно отражает лишь их собственные, очень узкого сообщества людей мотивы и ценности. Удивительное неве-

жество, тесно связанное с европоцентрическим (тогда) и западноцентрическим (теперь) снобизмом и высокомерием.

Кстати, вновь вокруг Президента России набирают силу неореформаторы с тем же концептуальным багажом. Снова они рассуждают и пытаются действовать в рамках *теории «модернизации»*, не совсем адекватно представляя себе ее содержание. Я имею в виду содержание модернизации с точки зрения стратегических интересов России как целого, а не ее правящего класса.

Но вскоре западные политики и ученые убедились в том, что их теоретические схемы и подходы совершенно не вписываются в реалии стран III-го мира. Западные нормы, ценности и институты совершенно не приживались или настолько трансформировались на новой «почве», что в корне меняло их содержание. «Технология» реформ, не учитывающая нормы и культуру так называемого «традиционного» общества, оказывалась безжизненной. Бедный Юг, почти весь континент Африки — яркий пример подобного «научно»-политологического и экономического фиаско западных рецептов. И по контрасту — другой пример из практики стран Дальнего Востока и ЮВА. Здесь правители сумели обеспечить бесконфликтный характер взаимодействия современных («экспортированных» с Запада) политико-экономических институтов и реформ — с одной стороны, культуры и традиций — с другой; их «органическую» связь. Достигнув таким образом общественного согласия, они сумели мобилизовать свои общества на достижение успеха в конкурентной борьбе, что в впоследствии получило название «экономического чуда азиатских тигров».

Все это «спровоцировало» поиск новых моделей развития и *идеологии третьего пути*. Заговорили о чрезвычайной важности учета социокультурного фактора и особенностей социальной структуры в процессе реформ, все большее распространение получала *концепция аутентичности*. Эта концепция построена на бесконфликтной связке политэкономии-

ческих реформ с культурой и традициями общества. Целый ряд теорий «плюрального (не плюралистического = западной модели) общества» (Д. Фернивелл), «инкорпорации в гетерогенном обществе» (М.Г. Смит) и т. д. в той или иной мере стали описывать связь между социокультурой и политической системами с экономическими реформами и институтами в странах III-го мира.

Именно опыт и достижения «дальневосточных тигров» — это яркий образец реформ, построенных на *фундаменте социокультурной аутентичности*. «Базисом» реформ выступали не экономические институты и нормы в «экспортной» упаковке, а сложившиеся на протяжении многих веков — а то и тысячелетий — культурные нормы и традиции, политические и правовые нормы. Умные правители, не загнипнотизированные чуждыми образцами и советчиками, не потерявшие связь с народом и ответственность перед ним, обеспечивали оптимальный баланс реформ в разных сферах и обеспечивали преемственность культуры и традиций. Оказалось, что для успешного развития вовсе не обязательны ни либеральная демократия и права человека (в западном смысле этого слова), ни массовая приватизация и минимизация влияния государства, ни рецепты Вашингтонского консенсуса. На Востоке все получилось ровно наоборот, «перпендикулярно» тому, что проповедовали отечественные западники и апологеты западной модели развития.

И тем не менее, на Западе и в России упорно не хотят признать свои методологические, концептуальные ошибки. Это означало бы крах всей их «конструкции» и мировоззренческого фундамента. Поэтому в ходу теория «гетерогенных (переходных) обществ», которые непременно рано или поздно трансформируются (модернизируются) в общества западного типа. Российское общество также рассматривается в таком методологическом контексте. «Модернизационная» риторика в правящих кругах страны предполагает именно такой концептуальный подход. Вопреки тому, что он уже

дискредитировал себя везде, где применялся без опоры на культурный фундамент.

Где кроется фундаментальная ошибка сегодняшних не-олиберальных реформаторов и марксистов в прошлом? Не вдаваясь в подробности анализа отметим только некоторые важные вехи.

Вот некоторые краткие теоретические замечания. Набросанные в свое время К. Марксом в общих чертах (как он сам указывал) схемы азиатского, античного и феодального способов производства представляли собой некритическое переосмысление идей Сен-Симона и Гегеля. Зачисление же научной гипотезы в разряд научных истин произошло в 20–30-е гг. XX в. Критический анализ идей классического капитализма и либерализма (Адам Смит) содержится в работах Линдона Ларуша, Макса Вебера.

Европейский (западный) путь развития, который представляет собой — по утверждению известных ученых (И. Валлерстейн, М. Вебер, Л.С. Васильев, А. Тойнби и др.) — историческую «мутацию», был объявлен образцом для всех стран и народов. Европоцентризм в науке и политической практике стал нормой. В работах вышеуказанных авторов раскрывается вторичный, зависимый характер экономических связей по отношению к базовым ценностям и политическим нормам обществ в докапиталистическую эпоху. Таким образом, из поля зрения отечественных либерал-фундаменталистов и их англо-американских учителей — с одной стороны и марксистов — с другой, выпадают (и выпадали в прошлом) важные методологические моменты.

Во-первых, чрезвычайно значимая роль социокультурного и идеологического факторов в развитии обществ не может быть объяснена в терминах «материальных интересов». Скорее природа экономических отношений и институтов вытекает, в конечном счете, из господствующей в тех или иных цивилизациях религиозной идеологии, культурных норм и

сложившихся традиций. Роль социокультурного фактора в истории (протестантизма в эпоху бурного развития капитализма на Западе, православия — в России, ислама — в мусульманском мире и т. д.) не может быть объяснена в терминах «материальных интересов» и «экономических факторов» как главных мотивационных факторов.

Во-вторых, системный (целостный) характер общества предполагает особый концептуальный подход. Общество, как Систему, можно представить в виде взаимодействия его составных частей (подсистем): политико-правовой, финансово-экономической, социокультурной и идеологической. Каждой из подсистем соответствует свой специфический набор социальных институтов и соответствующих функций. Целостный (неаддитивный) характер общественной Системы обуславливается связностью (когерентностью) каждой из подсистем, автономное функционирование которых весьма относительно. Априори ни одна из подсистем не может быть указана как иерархически «более важная» и определяющая для всех остальных подсистем.

В-третьих, в разные исторические эпохи и в разных культурах взаимодействие подсистем может приобретать свои особенности. К примеру, динамика социальной эволюции в *сословно-классовых* обществах (по мнению Л.С. Васильева) определяется взаимодействием идеологических (религиозных) и культурных факторов с политической властью². В обществах переходного типа (по терминологии западных авторов) в странах III-го и, частично, II-го мира религиозный фактор уже не играет той важной роли, которую он играл раньше. Нынче именно взаимодействие *политической подсистемы (и соответствующих институтов) с социокультурной подсистемой и социальной структурой определяет, главным образом, характер социальной эволюции*. Экономическая подсистема и идеологические институты трансфор-

² Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М., Наука. С. 8–65.

мируются уже под влиянием именно этих факторов. *«Сначала власть, а потом уже собственность»*, или *«власть — как субъект развития и доминирующий фактор в жизни общества»* — таковы краткие нарративы, передающие содержание Системы в таких обществах.

В-четвертых, в индустриальных обществах Запада доминирующая роль принадлежит уже взаимодействию политической и экономической подсистем и институтов. Базовые социокультурные и идеологические ценности, характер легитимности политических режимов определяют специфику и в динамике развития этих обществ: позволяют, к примеру, избежать социальных катаклизмов и движений «вспять» к авторитаризму и фашизму.

Какие же концептуальные и методические выводы вытекают в контексте темы исследования?

1. *Изменения в различных подсистемах и структурах общества (за исключением революционных «скачков») носят синхронный и кумулятивный характер* (см. приложение). Невозможно без нарушения «равновесия» и социального порядка в обществе инициировать те или иные существенные изменения (реформы) в подсистемах. Изменения, к примеру, в экономической подсистеме должны соответствовать социокультурной подсистеме. А изменения в идеологических институтах уже должны обеспечить должный уровень легитимности для новых норм и «правил игры». В противном случае, накопившийся дисбаланс в функционировании подсистем может разорвать Систему в целом или обеспечить устойчивый негативный тренд по всем ключевым параметрам развития общества.

Отечественными «реформаторами» не были учтены эти теоретические ограничения; они вообще, надо полагать, не рассуждали в этих терминах. Внедренные большевистскими методами новые институты и нормы противоречили общественным ожиданиям в целом, но соответствовали социаль-

ным установкам узкого меньшинства (не более 10–15% российского общества). Тут, главным образом, экономически активные группы (включая и криминал), и некоторые этнические группы (в этом меньшинстве) представлены непропорционально в большей степени — в частности, с Северного Кавказа. Но вовсе не обязательно считать, что в этих 10–15% заключен авангард цивилизованного бизнеса и передовых реформ. В итоге, *идеальная* (с точки зрения неолиберальных «реформаторов») модель общественной Системы нарушается. Реальная модель далека от идеальной. Очевидны дисфункции в деятельности всей системы институтов, как следствие выпавших из поля зрения «реформаторов» противоречий между их начинаниями — с одной стороны и культурой, традициями общества и социальной структурой — с другой. В каждой из подсистем (общероссийской Системы) можно выявить такие дисфункции. На рис. в приложении — чтобы не загромождать блок-схему — эти расхождения между идеальной и реальной моделью в рамках России не получили свое отражение. Но зато мы постарались продемонстрировать эти расхождения между региональной подсистемой на Северном Кавказе и общероссийской. *То есть Северный Кавказ в рамках такой теоретической модели рассматривается как относительно автономная часть (подсистема) России, где очевидны качественные различия в функционировании соответствующих подсистем.* В чем причина — мы раскроем в последующем.

2. *В процессе реформ и госуправления необходимо было учесть гетерогенный (неоднородный) характер российского общества и культурно-цивилизационные особенности России.* В реальности же «реформы» в России проводились с пренебрежением именно к этим факторам. Принципы *федерализма*, призванные учесть неоднородность российского общества, были преданы забвению (не путать с пресловутым «берите суверенитета столько, сколько можете»), а социокультурные и структурные особенности российского обще-

ства (русского народа, прежде всего) были объявлены «априори» тормозом для реформ. Итог известен. Ответственные госмужи были обязаны «связать» реформы с социокультурной обществу и массовыми ожиданиями. Соответственно, было крайне важно провести своеобразный мониторинг и «инвентаризацию» культурных норм и ценностей, определяющих *особую форму реформ и стратегию развития* России, а внутри России — *специфику реформ*, с учетом региональных особенностей, применительно, например, к Северному Кавказу.

3. *Фактор телеологии и ценностный конфликт.* Россия, как особая цивилизационная целостность, имеет свою миссию в мире, не сводимую к пресловутой «успешной конкуренции» и «достойного места в цивилизованном (читай — в западном) мире». Это есть сознательное упрощение и редукция истории страны до вполне привычных для правящего «класса» понятий и ценностей. Такое упрощение лишает подлинного СМЫСЛА жизнь и творческие порывы множества людей из разных социальных групп, идентифицирующих личное благо с благом России в целом. Соответственно, правящим «классом» в этом же духе была перенастроена вся *идеологическая подсистема* общества, внедряя в нее ценности неолиберализма и осмеивая привычные образцы и понятия; создавая новую моду, в рамках которой экономический успех и размер «кошелька» выступают единственным критерием успеха и социального признания. То, что верно отражает, к примеру, ценности определенных («мелкобуржуазных») сегментов общества — незначительных в рамках страны в целом, но достаточно значимых на Северном Кавказе — было объявлено всеобщей «современной» нормой. Ярко выраженная *депопуляция*, сравнимая разве что с демографическим коллапсом, также одно из трагических следствий *обесмысливания* социальной жизни в России. С другой стороны, очевиден *контраст* между демографическим «взрывом» в регионе Северного Кавказа, где явление *обесс-*

мысливания не получило столь ярко выраженного характера. И здесь тоже проявила себя социокультурная особенность региона, где социальная ответственность перед группой (семья, родственники, территориальная община) мобилизует человека и придает смысл его стараниям, а рыночные ценности быстро утвердили себя в качестве одних из базовых.

4. В условиях неудачных «реформ» и преобразований в России в духе «а ля Европа» лучшим методом является политика «разделяй и властвуй»; в терминологии политической науки — технология «управляемого хаоса». Собственно правящий «класс», в лице его масс-медийного и экспертного обслуживания, именно с 1990-х начал «успешно» осваивать эту методику и «пиар»-технологии. Провоцирование этнического и межконфессионального напряжения в российском обществе, медийная «возгонка» отдельных негативных явлений типа этнических (кавказских и пр.) преступных сообществ и чеченской темы стало характерной особенностью в деятельности отечественных масс-медиа. Общество пыталось консолидировать, создавая образ «внутреннего врага» и главного источника социальных неурядиц в российском обществе. Процесс информационной «возгонки» проблем ислама и северокавказского (преимущественно чеченского) сепаратизма, при всех объективно значимых фактах этих явлений, преследовал одну неочевидную стратегическую цель: мягкую подстройку России под буфер и передовой рубеж «обороны» цивилизованного (т. е. западного) мира от экспансии «темного» Юга и исламистского экстремизма. Как следствие, в массовом сознании и в широких кругах национальной (русской) элиты в регионах получают распространение ложные установки: а) ориентации на интеграцию с Европой и Западом в целом как меньшее зло для России; б) дистанцирование от евразийского, «непредсказуемого» и нестабильного, мира и делегитимизация интеграционных проектов; в) оправданности ухода России с Северного Кавказа, с точки зрения его экономических и стратегических интересов. Гео-

политическая узость этих воззрений граничит с преступным невежеством, имеет далеко идущие последствия. Это такое изменение облика и сути России, которое не имеет ничего общего с аутентичным развитием народов России.

5. Другая «партия» в правящем «классе» в лице симбиоза части силовиков и неолибералов (тут нет противоречий) нашла более «рациональный» способ утилизации противоречий, накопившихся в России и в регионе Северного Кавказа. Новизна их методы заключалась в *использовании фактора «Северного Кавказа» в связке с концепцией так называемого «международного терроризмом» как ключевой методы контроля российского общества* (ниже мы покажем, как эта метода реализовывалась в регионе и каковы ее результаты). Это «лучший» метод обеспечения статус-кво и преемственности (или трансмиссии) власти на федеральном уровне — персональном и «корпоративном». И риторика вокруг тем «модернизации», «удвоения ВВП» и прочее абсолютно этому не мешает.

Вышеприведенная концептуальная модель адекватно реконструирует ситуацию в России, а ее объяснительные и прогностические возможности, применительно к задачам нашего исследования, достаточно высоки. Взглянем еще раз на блок-схему модели функционирования общественной системы в России и одной из ее частей (подсистем) на Северном Кавказе (рис. в приложении). Все эти подсистемы в той или иной мере связаны друг с другом: *политико-правовая подсистема задает «правила игры» для государственных институтов в социальной и финансово-экономической сфере, а также в наиболее автономной и консервативной подсистеме общества — социокультурной*. В свою очередь, все эти подсистемы влияют друг на друга и на функционирование политической подсистемы. Идеальная модель функционирования Системы, заданная в виде законов (норм и обычаев), серьезно корректируется в силу влияния прежде всего *социо-*

культурной подсистемы и тесно с ней связанной *социальной структуры общества*.

Так вот, в верхних слоях *социальной структуры* российского общества можно выделить *не только* узкое сообщество олигархического типа, заказывающее «нужные» законы и «правила игры» и, соответственно, серьезно деформирующее всю общественную систему под себя. Это самое легкое (и не совсем адекватное) объяснение, вполне укладывающееся в марксистскую модель, где политический класс неявно выступает как «служанка» олигархата. *У нас сама власть — самая влиятельная его часть — выступает как собственник, и в этом своем качестве так же меркантильна*, как и политический класс в европейских странах в XIX в. Образовался такой вот симбиоз монопольного типа.

Но, помимо этого, в верхних слоях социальной структуры можно выделить тесно связанную с олигархией и правящим «классом» «экспертно»-медийную и «культурную» службу. Я сознательно беру эти слова в кавычки, ибо ангажированность властью и деньгами прямо отражается на качестве их культурной продукции, публичной информации и экспертных оценок.

Таким образом, контроль над собственностью и властью дополняется, с одной стороны, *контролем над массовым сознанием*, что должно гарантировать «стабильность». С другой стороны — информационной «картиной» возрождения державного величия и патриотизма для общественного мнения, в полном согласии с постмодернистской идеологией и практикой. Мало кто в обществе догадывается, что общий результат правления нынешней элиты в стране за последние 10 лет крайне негативный, и мы имеем дело с настоящим *симулякром* возрождения: имитацией и обманом — тем более тонкими, чем больше профессионализма проявляют отечественные «властители дум».

Но и это еще не все. В этом, открыто действующем обществе людей, составляющих «ядро» правящей «элиты», я

выделяю закрытое сообщество (группы, структуры, отдельные персоны), объединенное общим замыслом и ценностями, единым образом и стилем жизни. Культурная экономия, достигаемая в результате взаимодействия внутри этого сообщества, — выше всяких похвал: стратегическая продуманность — на высочайшем уровне, а решения принимаются весьма оперативно. Я выдвигаю концепцию Антисистемы (внутри правящей «элиты») как серьезного фактора, влияющего на внутреннюю и внешнюю политику страны. Эвристическая ценность такого подхода достаточно высока и объясняет значимый уровень параллельной (теневой) политики и экономики в стране.

Концепция Антисистемы не сводится только к «пятой колонне», «агентам влияния» Запада. Это более широкое понятие, включающее в себя всю совокупность людей и структур, объективный результат деятельности которых имеет разрушительный, негативный (для страны и отдельных ее регионов) эффект. Разумеется, в Антисистеме во многом ключевую роль играют «пятая колонна» (явные или скрытые западники, силовики-коммерсанты). Играет свою значимую роль и этническо-конфессиональная принадлежность.

Все это позволяет нам ответить на вопросы: почему не сменяемы на протяжении многих лет люди, которые по сути разрушили (или позволили разрушиться) экономику и обороноспособность страны? почему масс-медиа упорно заняты разрушением культурного «кода» народов страны, разлагая фундамент общества — семью, нравственный и духовный климат в обществе и т. д. и т. п.? Образ будущего России для этого закрытого сообщества совершенно не совпадает с таким же образом в глазах большинства, в глазах патриотов страны. Это серьезная проблема, анализ которой не входит в задачи сегодняшнего обсуждения.

Так вот, фактор правящего симбиоза (из олигархата, высшего чиновничества и Антисистемы) проявляет себя и на Северном Кавказе, серьезно деформируя (в негативную

сторону) всю систему госинститутов на местах. Это как бы внешний фактор по отношению к региону, рассматриваемому как часть общероссийской Системы. И не считаться с ним никак нельзя, хотя федеральный силовой блок и масс-медиа упорно пытаются доказать, что все проблемы (в регионе) — исключительно внутреннего происхождения. Если и есть внешний (негативный) фактор, то это западные спецслужбы и арабы, подпитывающие северо-кавказских радикальных исламистов. Можно ли сравнить, взвесить на весах влияние внутренних и внешних факторов в генезисе всей той неприглядной картины, которую мы имеем на Северном Кавказе? Я полагаю, что можно. Сегодняшнее наше обсуждение — одна из таких попыток.

На блок-схеме (см. приложение) различия в функционировании соответствующих подсистем и институтов на федеральном (или, в среднем, по российским регионам) и региональном уровне на Северном Кавказе я изобразил в виде своеобразного зазора между «квадратиками» подсистем. Чем больше зазор (расстояние), тем больше различий в функционировании подсистем — политико-правовой, экономической, идеологической и социокультурной.

К примеру, долю теневой экономики в стране можно оценить на уровне 25–30% от ВВП. В республиках Северо-Восточного Кавказа — более 50% (согласно справке Д. Козака, подготовленной в 2006 г.) или около 65–70% на 1995–96 гг. (согласно данным совместных исследований российских и европейских ученых). Различия — почти в два раза, и они носят качественный характер. Соответственно, большая дистанция между «квадратиками» подсистем экономики (федеральный и региональный уровни) отражает это различие.

Можно взять для сравнения и другой значимый индикатор — долю налоговых и вненалоговых сборов в ВВП (по стране) и ВРП (по Северному Кавказу). Этот показатель в среднем для страны составляет около 22%, а для Северного Кавказа — 8–15%. Таким образом можно выявить систему

взаимосвязанных эмпирических индикаторов, характеризующих степень различий в функционировании экономической подсистемы на уровне конкретного региона (в данном случае — республик Северного Кавказа) и страны в целом. Можно поставить задачу *измерения* этих различий посредством процедуры вычисления интегрального индекса. Но *не путем* произвольного подбора индикаторов, а на основе вычисления *графа корреляций* между исходными социально-экономическими индикаторами и выявления наиболее значимых из них. Но это уже отдельная исследовательская задача, которая не входит в наши планы.

Вот другой пример, касающийся *политико-правовой подсистемы*. Можно ли измерить различия в функционировании данной подсистемы в отдельных регионах? Да можно, попытавшись дать количественную оценку целому ряду качественных индикаторов: *политической коррупции, влиянию субъективного фактора на функционирование политправовой системы и т. д.* Даже различия в электоральном поведении дают нам основания для качественных оценок. К примеру, более 90–95% проголосовавших на тех или иных федеральных выборах (Президента РФ, в Госдуму) в республиках Северного Кавказа — это, с одной стороны, косвенный индикатор силы административного ресурса. (Для сравнения, в «русских» субъектах Федерации этот показатель колеблется на уровне 60–70%). С другой стороны, эти данные — косвенный индикатор индифферентности местных избирателей, проявляемой именно на федеральных выборах. Скрытый фактор здесь — особенности социальной структуры: урбанизация — на уровне не более 40–45%, тогда как в других регионах страны — около 70%; особенности политической культуры, отчужденной от общенационального контекста. Совершенно иная картина наблюдается на муниципальных и республиканских выборах. В общем различия в функционировании политправовой подсистемы на блок-схеме модели общественной системы в России и на Северном

Кавказе (см. приложение) отражены в виде соответствующего «зазора» (дистанции) между квадратиками для региона Северного Кавказа и страны в целом.

Аналогично и для *государственных институтов социализации*, социальной сферы и средств массовой коммуникации (СМК), а также полугосударственных (по факту) профессиональных институтов, хотя по закону они — общественные организации. В регионе Северного Кавказа своя имеются развитая система СМК (пресса и ТВ на национальных языках), свой региональный компонент в сфере образования и культуры. И, наконец, есть своя, качественно отличная профессиональная система. Специфика в функционировании этих институтов прямо вытекает из федеративных принципов. Последние призваны учитывать социокультурную (этническую и профессиональную специфику политических и правовых традиций) особенность региона. Потому различия здесь ощутимы, а «зазор» между подсистемами в данном случае еще более значителен.

Теперь рассмотрим *социокультурные подсистемы* и тесно с ними связанные социальные структуры обществ в республиках Северного Кавказа (СК): как они влияют на другие подсистемы в местных обществах и в чем это влияние отражается? Можно ли собственно «развести» влияние внутренних и внешних факторов? Нам важно не опуститься до базарной склоки, когда одни видят главное зло во влиянии внешних факторов (спецслужбы Запада, федеральный фактор, включая и Антисистему), другие же наоборот — во внутренних факторах: коррупция и клановость (непотизм), так называемый «ваххабизм» — исламский радикализм. В общем, *особый тип социокультуры и социальной структуры* с выдающейся ролью кланов (субэтнических, общинных) в связке. Правда, мало кто может объяснить, чем отличается клановость на федеральном уровне (Питер как главный поставщик кадров в правящую политэкономическую элиту)

от региональной ее модификации. Более того, в некоторых республиках (например, Дагестан и Кабардино-Балкария) по формальным признакам клановость вообще нельзя обнаружить, а правящая элита формируется из разных этнических «сегментов». Таков политический обычай, и его нарушение может серьезно дестабилизировать ситуацию.

Анализ показывает, что социокультурный фон (нормы, ценности и обычаи) и то, как все эта «тонкая материя» отражается в функционировании региональных правящих элит, входит в своеобразный *резонанс* с влиянием федерального фактора. Усиливая, в одном случае, *отрицательный эффект* (коррупцию и систему «откатов», теневую экономику), в другом же — *положительный*. К примеру, фактор Ю.Б. Евкурова в Ингушетии однозначно расценивается как положительный. Но одновременно в Ингушетии дает о себе знать (с негативной стороны) симбиоз местной и федеральной коррупционной систем связей. Здесь уже можно наблюдать *антисистемный резонанс*: взаимная подпитка и тесный альянс местной и федеральной антисистем (включая и силовиков). С оговорками, между строк: Ю.Б. Евкуров в своих последних интервью в газетах «Время новостей» (май 2010 г.) и «Завтра» (июнь 2010 г.) признает роль этого (антисистемного) фактора в событиях в республике: похищения людей, коррупция и бессудные расправы, коррупция среди местных чиновников, прикрываемая «сверху». Но и местная социокультура сопротивляется хорошим начинаниям тех или иных глав республик.

Ситуацию в каждой республике можно оценивать в таких терминах и с таких концептуальных и методологических позиций. Как следствие, я формулирую *социологический закон двукратных различий* по ряду значимых признаков между регионом Северного Кавказа и «русскими» субъектами РФ, или Россией в целом. Этот закон предопределяет специфические трудности управления регионом, и они связаны с

особенностями социальной структуры и культуры (нормы, ценности и обычаи) местных обществ; со спецификой формирования местной элиты; с некоторыми противоречиями между федеральными законами и легитимным правом и нормами. Различия носят качественный характер и не просто по какому-то одному признаку, а во всем многообразии: степени урбанизации и индустриализации, демографическим и профессионально-образовательным, этническим и конфессиональным, общественным нормам и ценностным ориентациям. Из общего контекста выпадают два региона: Ставропольский край и РСО — Алания.

Правомерен вопрос: *а как же в период бывшего Союза?* Ведь тогда удалось так модернизировать местные общества, что мы вправе говорить об их индустриально-аграрном типе и соответствующих ценностях и их носителях; о развитой социальной структуре и т. п. на Северном Кавказе. Так-то оно так. Но нельзя отрицать насильственный характер некоторых модернизационных начинаний центральной власти в 30–50-е гг. прошлого века. На месте «старой» (уничтоженной или вытесненной на периферию) элиты была возвращена новая советская элита из местных кадров. А в условиях строгой централизации и тотального контроля новая (партийно-хозяйственная) элита не смела рисковать и остерегалась злоупотреблять властью. *Непотизм и патронажно-клиентальные* модели взаимодействия «верхов» и «низов», безусловно, имели место, но эти явления не носили системного характера. Соответственно и коррупция, и теневая экономика и прочие «болячки» Системы в регионе не носили столь обостренного характера, как, к примеру, у соседей по Южному Кавказу (в бытность Союза ССР). Различия между Северным Кавказом и «русскими» субъектами РФ в целом, безусловно, сохранялись, но они не носили столь явного характера.

Кроме того, «бурные» 90-е гг. прошлого века отбросили Северный Кавказ (особенно три республики — Дагестан,

Чечню и Ингушетию) на многие десятилетия назад. Мы вправе говорить о более ярко выраженных процессах *деиндустриализации и демодернизации* (автор вкладывает в это понятие несколько иное содержание, нежели неолибералы) в регионе. К примеру, падение промышленного производства в регионе за период 1991–1999 гг. составило цифру порядка 4,5–5 раза, тогда как по стране в целом — только два раза. Разница ощутимая, качественная. Нельзя сбрасывать со счетов и влияние сепаратистской Чечни и первой чеченской кампании в те годы.

Другой важный фактор в социологическом законе двукратных различий — это особая *конфессиональная ситуация*³: мощная волна *реисламизации* за последние 20 лет — характерная особенность региона. Но процесс реисламизации протекает противоречиво: внутри одной конфессии возникли множество конфликтующих между собой «партий» сектантского типа. С одной стороны, мы имеем нескольких влиятельных течений традиционного ислама, представленных суфистскими (мистическими) орденами с многочисленными группами поддержки в структурах власти и местной олигархии в республиках Северо-Восточного Кавказа. С другой стороны — сторонники так называемого «чистого» ислама «такфиристов» («обвинение в неверии»), отвергающих культ шейхов и традиционалистские интерпретации ислама. Между этими противостоящими «партиями» располагается многочисленная группа мусульман с той или иной степенью идентификации — так называемое «молчаливое большинство».

И, наконец, в условиях ничем не ограниченной свободы и демонтажа скрепляющей Союз и многие народы идеологии на передний план выступили другие идентификационные

³ Более подр. см. *Кисриев Э.Ф.* Ислам и власть в Дагестане. М, ОГИ, 2004. С. 45–65, 94–121; *Халидов Д.Ш.*, Социальная нестабильность на Северном Кавказе. Модель воспроизводства и исламский фактор // науч. ж-л «Наука. Культура. Общество». М., ИСПИ РАН, № 2, 2005. <http://www.ispr.ru/>; *Ярлыкапов А.А.* Проблемы ваххабизма на Северном Кавказе. М., 2000.

маркеры, доселе вытесненные с политического дискурса, — *этнические, субэтнические и конфессиональные*. Социальная структура «вдруг» заиграла всеми цветами радуги: многие «боссы» вспомнили о своих земляческих корнях и лихорадочно стали формировать квазипартийные структуры. Если нет общих, объединяющих скреп, размывается и система общих «правил игры». Тут вполне пригодна и модель относительности «правил игры», которые можно и нужно подстраивать под интересы своей социальной «корпорации».

В сельской же местности реформы способствовали возрождению традиционных институтов местного самоуправления — так называемых *джамаатов* (советов общин сел или группы сел). Отчасти, в Чечне и в большей степени — в Ингушетии аналогом таких структур местной демократии выступали традиционные *советы тейпов* — родовых или племенных структур. Уже в начале 1990-х гг. джамааты и тейпы стали играть весомую роль в политической жизни районов и в местном самоуправлении. В зависимости от силы религиозного фактора, это влияние распространялось и на такие сферы, как *землепользование, бракоразводные процессы, продажа алкоголя, а не только на вопросы выборов в местные органы власти*. В Чечне, при Дудаеве, был даже создан *Совет тейпов* республики, который впоследствии сошел с общественной арены, ибо оказался не на уровне поставленных задач. Сей институт попросту дискредитировал себя.

Кое-кто из исследователей говорит об *«архаизации»*, имея в виду такой тип возрождения традиционной демократии на Северном Кавказе; а в само понятие вкладывают отрицательный смысл. Я же склонен здесь анализировать этот процесс в целом: есть в нем позитивные и негативные стороны. Умная и ответственная власть (идеальный тип) могла и должна была нейтрализовывать негативные аспекты и усиливать, возвращать позитивные. Но вместе этого институты традиционной демократии в «верхах» стали воспринимать чаще всего как досадные помехи в их политических расче-

тах. Или старались манипулировать ими, «покупая» их лояльность и поддержку.

Таким образом, особенность социальной структуры местных обществ заключается в сочетании патронажно-клиентальных («вертикальных») связей с развитой сетью общинных (гражданских) структур на уровне местного самоуправления. Первый тип социальных связей формирует коррупционную, меркантилистскую систему, разрывающую общество на множество фрагментов. Второй тип социальных связей формирует мини-гражданское общество на уровне местного самоуправления (МСУ).

Но социальная структура на Северном Кавказе не однотипна. Можно выделить свои особенности в Дагестане и КЧР (в некоторой степени и КБР) — с одной стороны, и в Чечне и Ингушетии — с другой. РСО — Алания, в силу высокой степени урбанизации и более современного типа социальной структуры, нельзя отнести ни к одной из этих групп. Община в Дагестане, КБР и КЧР — это прежде всего *территориальная община гражданского типа*: своеобразный мини-полис со своей историей и демократической традицией, с минимумом влияния родовых связей. В Чечне и Ингушетии община — это прежде всего *структура*, сочетающая в себе гражданскую и, отчасти, *родовую (тейповую)* традицию. Эта особенность социальной структуры местных обществ отражается и на гражданской активности: она выше, как правило, на муниципальном уровне (сельском, районном, поселковом) и заметно ниже на республиканском уровне — при выборах в Госдуму и Президента РФ.

С другой стороны, живучесть патронажно-клиентальных связей блокирует формирование настоящего (граждански ответственного) общества на уровне региона (республики). Множество локальных общин гражданского типа не складываются в современное общество.

К каким системным изменениям приводят такие особенности социальной структуры и социокультурной системы

в регионе? Дополняя то, что мы отмечали выше, это прежде всего *системный характер коррупции и меркантилизм*, более ярко выраженная, чем в стране в целом, «*криминализация*» политической и экономической сфер. Такое общество не консолидировано, мозаично настолько, что гражданская составляющая (профсоюзы, партии, движения и пр.) в городах региона просто «тонут» в плюральном сообществе общинных или олигархических структур. А унифицированная (в масштабах страны) политико-правовая система не отражает реальных социально-политических и политэкономических отношений в регионе. Многообразие интересов и конфликты *не* получают своего законного отражения в представительских и исполнительных органах власти. В результате они вытесняются в тень, легитимируя *теневое право*. Как следствие, деформируется вся Система; конфликт интересов ведет к значительному росту коррупции и теневой экономики. *Сравнительный анализ субъектов РФ по развитию теневой экономики в 1995–1997 гг. показал, что в этой негативной иерархии первые «строчки», как правило, занимают республики Северного Кавказа*⁴. Косвенный индикатор серьезности проблемы — один из самых низких показателей налоговых и неналоговых сборов в России, оцениваемый в процентах по отношению к валовому региональному продукту (ВРП). В данном случае мы лишь развиваем идею о тесной связи теневой экономики с организованной преступностью и коррупцией, с масштабами социальной поляризации, слабостью госаппарата и политэкономическим террором как следствиями жесткой конку-

⁴ См. Специальный доклад (IV квартал 1997 г.) экспертов Российско-европейского центра экономической политики — Сергея Николаенко (ИМЭМО РАН), Ярослава Лиссоволик и Рори МакФаркара — «Теневая экономика в российских регионах» // Обзор экономики России. Основные тенденции развития. 1997 г. IV: Пер. с англ. М., 1998. <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/recep/1997/4/rcpb199740000unec/rcpb199740000unec000.htm>; Косиков И.Г., Косикова Л.С., «Теневая» экономика в жизни Северного Кавказа // Северный Кавказ: Социально-экономический справочник. М, 1999.

ренции олигархических «синдикатов». Эти выводы получили широкое распространение и подтверждение в исследованиях Всемирного банка, а также ученых знаменитого Института свободы и демократии (Перу)⁵ и др.

Что делать в этих условиях? Думаю, для начала не помешало бы вернуться к новой интерпретации *федеративных принципов* применительно к региону, без ущерба для целостности РФ. К примеру, для экспертного сообщества очевидна необходимость *институционализации форумов представителей общин в республиках региона (имеются в виду не этнические общины, а территориальные)*. Такие форумы (съезды) и соответствующие органы — это своеобразные «каналы» по легитимации и коррекции общественных договоров между властями, обществом и бизнесом.

Это одно из необходимых, но совершенно недостаточных условий для нейтрализации конфликта ценностей и норм — *официального и теневого*. Особенно страдают от такой деформации судебная и правоохранительная системы, будучи в состоянии «мягкого», теневого давления со стороны местных олигархов. Отчуждение между официальной судебно-правоохранительной системой и массами «провоцирует» рост настроений в пользу альтернативной (традиционной или мусульманской) системы права в определенных сферах жизни. И эти настроения получают все большую поддержку в местных обществах. Например, в Чечне и отчасти в Ингушетии система шариатских судов носит узаконенный характер. В Дагестане также в некоторых районах и населенных пунктах «де факто» функционирует подобная альтернативная система правосудия. Можно говорить о явлении «архаизации», но в условиях

⁵ Более подробно см. Эрнандо де Сото. Загадка капитала, или почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М., Олимп-бизнес, 2001 // Гл. 4. Загадка политического непонимания. С. 98–107; Эрнандо де Сото. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М., Catallaxy, 1995. С. 9–16, 114–133.

тотального недоверия к официальным судам люди и ищут выход из такого положения, возвращаясь к «корням» — к системе, которая была ликвидирована в приказном порядке в 1927 г.

Но парадокс заключается в том, что при таких очевидных признаках «африканизации» социальной и политической жизни в регионе, вместе с тем, налицо признаки более продвинутых обществ (к примеру, Восточной Европы или Дальнего Востока) по индикаторам качества населения и социальной сферы. «Не все так плохо!», как об этом можно судить по социально-экономической статистике, и есть необходимые условия для выправления ситуации к лучшему. Потенциал развития региона, отличающий его в лучшую сторону, кроется в высоком и заметно отличающем его от России в целом качестве человеческого «материала» и социальной сферы. В регионе — выше уровень ориентации на предпринимательство, успех в жизни и психологическая готовность к рыночной экономике. Подобный вывод подтверждается статистикой и социологическими исследованиями.

В качестве иллюстрации можно сослаться на более высокий уровень общественной безопасности в регионе (как это ни странно), определяемой по статистике уголовных преступлений. По этим индикаторам республики Северного Кавказа находятся в списках лучшей «пятерки» субъектов Российской Федерации (табл. 1).

Республики СКФО входят также в «десятку» лучших регионов страны по таким интегральным (синтетическим) индексам, как «качество населения», «социальная патология» и «социальное неблагополучие» (согласно исследованиям ученых ЦЭМИ РАН за 2000–2004 гг.). К примеру, продолжительность жизни в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и сейчас находится на уровне средне — и даже высокоразвитых стран Европы и превышает общероссийский показатель на 7–11 лет. Ниже приводятся данные исследований ученых ЦЭМИ РАН, которые наглядно отражают социокультурные различия региона от России в целом (табл. 2 и 3).

**Количество зарегистрированных преступлений
(на 100 тыс. чел. населения) по видам в 2007⁶ и в 1998⁷ гг.**

№	РФ и субъекты РФ в ЮФО	Численность нас.* (тыс. чел.)		Убийства и покушения на убийство**		Причинение тяжкого вреда здоровью		Изнасилования и покушения на изнасилование		Грабежи		Разбои		Преступления в экономической сфере	
		2007	1998	2007	1998	2007	1998	2007	1998	2007	1998	2007	1998	2007	1998
	(по годам)	2007	1998	2007	1998	2007	1998	2007	1998	2007	1998	2007	1998	2007	1998
	Россия в целом	142 009	146 693	15,6	20,1	33,3	30,8	5,0	6,1	208	152,4	31,9	26,2	215,4	172,0
1	Адыгея	441	450	7,7	16,4	19,3	19,5	2,5	6,8	63,5	52	8,2	26,0	132,4	244
2	Дагестан	2680	2121	6,8	12,7	8,0	6,4	3,0	3,4	22,1	13,5	6,8	10,2	60,8	81,8
3	Ингушетия	500	318	15,5	16,9	3,5	8,2	0,2	1,6	5,5	1,2	7,8	11,9	36,7	68,5
4	КБР	890	792	10,0	12,5	10,3	8,7	4,7	7,2	59,2	29,4	12,1	16,6	105,9	129,3
5	КЧР	427	436	17,1	17,6	17,6	14,7	7,4	8,7	50,7	28,6	19,3	15,1	130,9	166,
6	РСО-Алания	702	664	10,3	22,4	10,0	17,3	3,0	3,9	63,6	34,3	12,8	40,6	109,4	153,6
7	Чечня***	1200	785	12,4	---	3,8	---	2,0	---	2,4	---	6,4	--	93,7	---

⁶ Вычисл. по данным статсборника «Регионы России. Социально-экономические показатели». М., Росстат, 2008. С. 332.

⁷ Вычисл. по данным статсборника «Регионы России». М., 1999. Т. 2. С. 258–259.

Продолжение таблицы 1

№	РФ и субъекты РФ в ЮФО	Численность нас.* (тыс. чел.)		Убийства и покушения на убийство**		Причины тяжкого вреда здоровью		Изнасилования и покушения на изнасилование		Грабежи		Разбои		Преступления в экономической сфере	
		2007	1998	2007	1998	2007	1998	2007	1998	2007	1998	2007	1998	2007	1998
		Другие субъекты в ЮФО													
8	Волгоградск. обл.	2609	11,5		24,4		5,0		155,8		21,4				301,5
9	Ростовская обл.	4255	8,6		19,5		4,0		153,7		25,3				254,0
10	Ставропольский край	2705	10,4		22,0		3,1		76,8		21,4				294,9

* Данные по численности населения приводятся по результатам Всероссийской переписи населения в 2002 г., а за 1999 г. — на основании Российского статистического ежегодника 1999 г. М. 1999. С. 54–55; Демографический ежегодник РФ. Офид. издание 1999 г. М., 1999. С. 23–25. С учетом экспертных оценок и на основе экстраполяции демографических тенденций по данным переписи за период 1979–1989 гг. и 1989–2002 гг., для расчетов численность насел. в некоторых республиках уменьшена: в Дагестане — до 2500 тыс. чел., в Чечне — до 1100 тыс. чел., в Ингушетии — до 450 тыс. чел., в КБР — до 850 тыс. чел. Есть все основания предполагать завышение данных переписи в этих республиках на 4–10%, в РСО — Аляния — около 3%.

** Данные по убийствам в республиках (Дагестан, Ингушетия и Чечня) выпадают из общего ряда статистики преступлений в результате наличия такого фактора, как экстремистское подполье и терроризм.

*** Демографические данные по Чечне за 1998 г. приводятся на основе экспертных оценок.

Таблица 2

**Сравнительный анализ синтетического индекса
«Качество населения» за 2004 г.⁸**

Весы	0,41	0,395	0,195		
	Y1	Y2	Y3	Рас- стоя- ние	Ранг
1. Респ. Карелия	3,7	3,195	1,946	6,871	69
2. Респ. Коми	3,445	7,497	2,139	5,668	45
3. Архангельская обл.	4,31	4,718	3,324	5,743	47
4. Вологодская обл.	3,708	2,817	2,953	6,804	68
5. Мурманская обл.	6,298	8,068	2,716	4,174	20
6. Санкт-Петербург	7,896	1,907	9,733	5,265	37
7. Ленинградская обл.	3,085	1,411	1,96	7,833	75
15. Москва	8,993	4,363	9,984	3,602	12
16. Московская обл.	6,24	2,492	8,522	5,339	39
.....	
41. Респ. Адыгея	7,071	5,107	4,875	4,254	23
42. Респ. Дагестан	7,928	8,545	1,99	3,884	17
43. Кабардино- Балкарская Респ.	7,492	8,741	4,811	2,906	5
44. Карачаево- Черкесская Республика	8,275	7,035	4,926	3,116	6
45. Респ. Сев. Осетия — Алания	8,123	7,052	6,298	2,748	3
46. Краснодарский край	7,525	5,395	3,949	4,245	22
47. Ставропольск. край	7,97	5,409	5,891	3,648	14
48. Ростовская обл.	7,17	3,944	6,719	4,458	26

Комментарий к табл. 2. Y1 — интегральный индекс физического здоровья, полученный на основе апостериорных

⁸ Из Приложения. Айвазян С.А. Разработка и анализ интегральных индикаторов качества жизни населения Самарской области. М.: ЦЭМИ РАН, 2005. (Сайт ЦЭМИ РАН). С. 63–64.

индикаторов: смерть от болезней (туберкулез, паразиты, инфекции), неестественных причин, младенческая смерть, продолжительность жизни, врожденные аномалии);

Y2 — интегральный индекс физического здоровья (коэффициент естественного прироста, смерть от рака, заболевавший сердечно-сосудистой системы (ССС), инвалидность и др.), вычисленный методом сравнений корреляций на основе апостериорных индикаторов;

Y3 — интегральный индекс уровня образования, полученный на основе апостериорных индикаторов;

вес — значение каждого из интегральных индексов Y_i в формуле синтетического индекса «Качество населения». Чем выше вес интегрального индекса, тем сильнее его вклад в «синтетический индекс», на основе которого регионы ранжируются;

расстояние — показатель, характеризующий степень близости к эталонной точке в 10 баллов (по 10-бальной шкале) каждого из индексов Y_i . Чем меньше расстояние, тем лучше (выше) значение индекса «качества населения».

Таблица 3 (выдержки)

**Сравнительный анализ синтетической категории
«Качество социальной сферы», 2004 г.⁹**

Вес	0,245	0,474	0,153	0,126		
	Y1	Y2	Y3	Y4	Расстояние	Ранг
15. Москва	9,17	8,76	1,958	6,756	3,485	5
16. Московская обл.	8,838	6,729	3,985	8,095	3,379	3
.....
41. Респ. Адыгея	2,717	7,52	5,719	1,565	5,266	41
42. Респ. Дагестан	0,741	9,601	6,335	0,755	5,828	53

⁹ Из Приложения. См.: Айвазян С.А. Указ. соч. С. 79–80.

Продолжение таблицы 3

Весы	0,245	0,474	0,153	0,126		
	Y1	Y2	Y3	Y4	Рас- стоя- ние	Ранг
43. Кабардино-Балкарская Респ.	0,792	9,37	7,099	4,727	5,081	39
44. Карачаево-Черкесская Респ.	1,53	7,707	5,693	1,332	5,695	50
45. Респ. Сев. Осетия — Алания	2,13	9,216	4,995	3,442	4,977	36
46. Краснодарский край	6,912	8,251	2,257	4,012	4,185	19
47. Ставропольский край	5,572	7,652	6,481	3,028	3,932	11
48. Ростовская обл.	6,342	7,3	3,123	4,743	4,181	17

Комментарий к табл. 3.

Y1 — интегральный индекс на основе шести апостериорных (частных) индикаторов из блока «Социальная напряженность»;

Y2 — интегральный индекс на основе десяти апостериорных (частных) индикаторов из блока «Социальная патология и условия труда»;

Y3 — интегральный индекс на основе трех апостериорных (частных) индикаторов из блока «Социальное благополучие»;

Y4 — интегральный индекс на основе четырех апостериорных (частных) индикаторов из блока «Социальная защита».

Поскольку социальная напряженность (индекс Y1) связан с безработицей, а социальная защита (индекс Y4) — с индикаторами экономического достатка, то республики Северного Кавказа в иерархии субъектов РФ по показателю «качество социальной сферы» опускаются на несколько десятков рангов ниже. Но зато по индексам Y2 (социальная патология) и Y3

(социальное неблагополучие республики) Северный Кавказ — в «десятке» лучших регионов страны. Чем объяснить это противоречие? — Занятостью в теневой сфере экономики и нерегистрируемыми доходами населения, а также общинной солидарностью, когда традиции взаимопомощи демпфируют ситуацию социального неблагополучия.

Тот факт, что республики Северного Кавказа в этой строго научной иерархии заняли первые позиции среди субъектов Федерации, говорит о многом. Прежде всего о таком образе и стиле жизни, который: *во-первых*, позволяет при всех перипетиях криминального капитализма сохранять относительный социальный порядок; *во-вторых*, о высокой степени ориентации на успех и социальное признание, равно как и об экономической активности местного населения; *в-третьих*, о наличии сравнительно нормального (в «антропологическом» и культурном смысле) фундамента для социального и экономического развития региона.

Итак, парадокс заключается в том, что в регионе в одной «обойме» наличествуют признаки, общие и для отсталой Африки, и для сравнительно развитых стран Европы и Дальнего Востока. Подобного рода парадоксы объяснимы, если в качестве образца для сравнения мы возьмем социальные структуры и культуры восточно-азиатских обществ в Корее, Китае или Малайзии, с сильными общинными традициями и культом древних обычаев. Как и в регионе Северного Кавказа, социальной нормой в этих обществах является императив *«сохранения лица»*, включающий в себя целый комплекс критериев «достойного мужа (сына, отца)». *Задача заключается в синтезе традиций и социокультурного «капитала» с модерном*, требованиями современной рыночной экономики и политической демократии. Проблема в такой постановке успешно решена и решается в странах Дальнего Востока и ЮВА. Почему бы творчески не освоить этот опыт — и не только применительно к Северному Кавказу, но и для всей страны в целом?

На основе вышеприведенного анализа мы можем выделить несколько ключевых факторов и системных связей-«контуров», выявляющих источники и условия нестабильности.

Первый «контур» связан с системой следующих факторов и условий (рис. 1): внутриконфессиональный конфликт — поиск «смысла и справедливости» в альтернативной идеологии и рост рядов внесистемной оппозиции — правоохранительно-силовой фактор и неадекватность методов борьбы с терроризмом — дальнейшая легитимация в некоторых слоях населения экстремистского подполья.

Контур религиозно-«силовой»

Рис. 1. Модель воспроизводства нестабильности и влияния фактора экстремистского подполья

Примечание к рис. 1. Стрелки «→» означают причинно-следственные (прямые) связи статистического характера: к примеру, чем больше неизбежности, рутинности в реализации контртеррористических операций — КТО (фак-

тор № 5), тем больше фундаменталистских (и радикально-«ваххабитских») настроений и недовольства властью в местных общинах (фактор № 4).

Стрелки «- →» означают обратную связь. К примеру, чем меньше законности и справедливости, чем меньше беспристрастности власти во внутриконфессиональном конфликте (фактор № 3), тем больше приходится проявлять антиваххабитскую активность (в идеологической и силовой сферах) — фактор № 2.

Ситуация внутриконфессионального конфликта во всем его драматизме и напряженности до сих пор недооценивается. Реальностью сегодняшнего дня является *вялотекущая гражданская война с отчетливыми религиозными мотивами*¹⁰.

Государство — в лице правоохранительных и силовых структур — в целях профилактики взяло на вооружение метод «превентивной ликвидации (нейтрализации)» подозрительных элементов, без соответствующей оперативно-следственной работы. В данном случае очевидны признаки некритического усвоения методологии и практики операций КТО, испытанные спецслужбами на Западе и Ближнем Востоке, где решались совершенно иные стратегические задачи. В результате, вместо интеграции большинства и изоляции меньшинства экстремистов мы получаем отчуждение и рост внесистемной оппозиции и социального напряжения в обществе.

Второй «контур» нестабильности связан с фактором местных олигархических групп (рис. 2).

¹⁰ Более подр. см. Акаев В. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1999, № 127; Халидов Д.Ш. Социальная нестабильность на Северном Кавказе. Модель воспроизводства и исламский фактор // науч. ж-л «Наука. Культура. Общество», М., ИСПИ РАН, № 2, 2005, <http://www.ispr.ru/> (сб.ст. «Центр и регионы...»). М., ИСПИ РАН, 2005); Ярлыкапов А.А., Проблемы ваххабизма на Северном Кавказе. М., 2000.

Контур коррупционно-олигархический

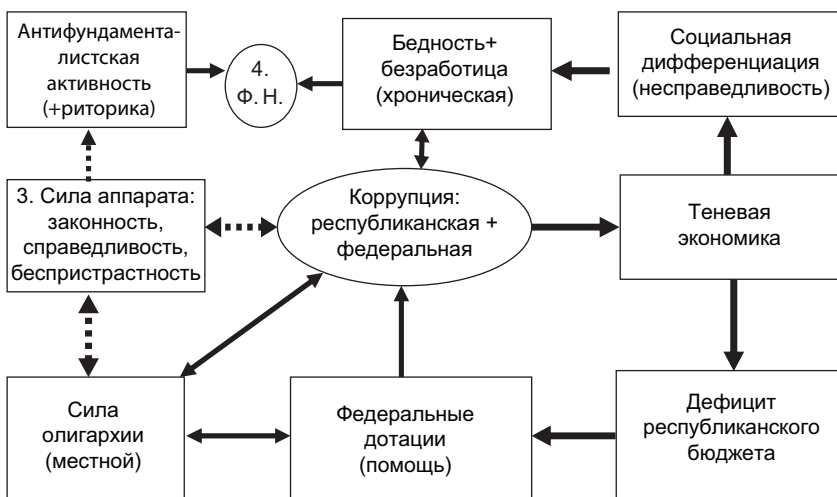

Рис. 2. Модель воспроизводства нестабильности и роль коррупционно-олигархического фактора

Примечание к рис. 2: Фактор № 4 (Ф.Н.) = фундаменталистские настроения и недовольство властью. В одном случае — это борьба за власть и доступ к ресурсам в республиканском масштабе. Как правило, такой вызов власти связан с фигурами мэров столиц республик, редко — крупных районных центров-городов. В другом случае, это борьба за власть на уровне МСУ за должность мэра города. Ситуация конфликта интересов и борьбы за власть приобретает асимметричный вид: если главы республик опираются на официальную систему власти и права, то амбициозные местные олигархи, как правило, опираются и на теневую власть, и на право, на неформальные ресурсы — в том числе, и психологического свойства. Паралич некоторых структур власти (судебно-правоохранительной) — как следствие теневых

возможностей — затрудняют республиканским властям нейтрализацию данного фактора дестабилизации. Такое положение подвигает некоторых экспертов к идее авторитаризма и даже диктаторских полномочий для отдельных глав республик.

Третий «контур» нестабильности связан с конфликтом на уровне местного самоуправления (МСУ) местных общин и власти. Дестабилизация происходит на локальном уровне. Но иногда, после перекрытия федеральной трассы возмущенными общинами или после многочисленных митингов протеста, ситуация получает резонанс уже на республиканском уровне. Как правило, конфликты связаны со злоупотреблениями властью со стороны местных глав районов или населенных пунктов в вопросах землепользования, с хищениями бюджетных средств и коррупцией.

Можно ли оценить «вклад» каждого «контура» нестабильности в общую нестабильность или значимость тех или иных факторов? Я попытался это сделать (результат показан в табл. 4).

Ключевые выводы из анализа табл. 4 и «контуров» нестабильности можно свести к следующим основным положениям.

1. Концептуальный подход и «технология» федеральной власти и Полпредства СКФО в решении проблем региона страдают серьезными изъянами. Как показывает анализ, ни один «контур» нестабильности не связан непосредственно с экономическими вливаниями или безработицей. Связь эта опосредована и носит значимый характер только в случае 2-го «контура» нестабильности: фактор местной олигархии в тесной связке с федеральным фактором. Соответственно, без решения проблем, связанных с этими причинами (коррупция, теневое влияние на власть и правосудие, теневая экономика) нельзя ожидать успеха в реализации проектов по стабилизации и развитию Северного Кавказа.

2. Фактор силовой — один из самых значимых в воспроизводстве нестабильности. С ним не может даже конкурировать

Значимость контуров нестабильности и факторов, влияющих на них

№	Контур нестабильности в республиках региона	Актуальность (по 5-бальной шкале)	Субъекты решений (влияния) и их роль	Роль гражданских структур + традиционных структур	Необходимые решения
1	1-й контур: Экстремистское подполье; внутриконфессиональный конфликт и методы КТО	«5»	ФЦ (очень высокая). Республиканские власти (высокая). Внешние (зарубежные) центры (значимая)	Значимая роль. Подключить джамааты и интеллигенцию; лидеров общественного мнения и студенческую молодежь	— Критич. анализ и коррекция в методах КТО; — государство как арбитр во внутриконфессиональном конфликте; — создание механизма постоянного диалога и примирения конфликтующих религиозных течений; — работа с молодежью; — контрпропаганда
2	2-й контур: Перераспределит. синдикаты и местная олигархия — как источники нестабильности (коррупции;	«4»	ФЦ (очень высокая) Республиканские власти (очень высокая)	Значимая роль. Подключить джамааты, лидеров общественного	— повысить роль местных самоуправлений и традиц. гражданских структур; — общереспубликанские съезды общин

Продолжение таблицы 4

№	Контуры нестабильности в республиках региона	Актуальность (по 5-балльной шкале)	Субъекты решений (влияния) и их роль	Роль гражданских структур + традиционных структур	Необходимые решения
	несправедливости, кризиса, кризиса минализации политических и экономических отношений).			интеллигенцию	и новые общественные договоры; — проверка антикоррупционности законов в республиках СК; — антиолигархические меры ФЦ; — новая кадровая политика
3	3-й контур: конфликты местных общин и властей (сильных кланов на уровне МСУ)	«2»	ФЦ (незначительная) Республиканские власти (очень высокая)	Очень высокая роль. Подключить джамааты, лидеры общественного мнения; интеллигенцию	— повысить роль местных самоуправлений и традиц. гражданских структур; — общереспубликанские съезды общин и новые общественные договоры; — земельные проблемы решать с учетом местных особенностей

религиозно-экстремистская пропаганда и практика вербовки боевиков. В случае нейтрализации негативного влияния силового фактора или возвращения силовиков в правовое русло, вторую причину, связанную с радикальными интерпретациями ислама, можно нейтрализовать в короткие сроки.

3. Пренебрежение гуманитарными (социальными) технологиями может усугубить ситуацию в регионе. Попытки отдельных республик СКФО сделать ставку на внеэкономические (малобюджетные) способы решения проблем в регионе сталкивается, с одной стороны, с нехваткой ресурсов (сравнительно малых, но и они не прописаны в бюджетах), а с другой — с непониманием, а то и с откровенным саботажем, со стороны федеральных силовиков. Здесь Центр должен сказать свое веское слово, изменить не только риторику (типа «мочить в сортире»), но и поменять концептуальный подход. В противном случае, подозрения в сознательном характере подпитки хронической нестабильности в регионе получают дополнительное подтверждение.

Четвертый (специфический) «контур» нестабильности связан с этнически окрашенными конфликтами вокруг земли, властных ресурсов и национального равноправия. Регион буквально напичкан множеством потенциальных и актуальных конфликтных «точек» с этнической начинкой — от границы с Азербайджаном, где не снята с «повестки дня» проблема «разделенных» народов Дагестана, и до Ставропольского края и КЧР, где периодически дают о себе знать этнополитические и этнотерриториальные вопросы. Всего таких конфликтных «очагов» насчитывается порядка девяти. Подробный анализ этих очагов напряженности у нас отнял бы много времени. Но и всего сказанного достаточно, чтобы передать весь драматизм ситуации в регионе.

Все вышеперечисленные очаги межэтнического напряжения и источники нестабильности могут представить благодатную почву для геополитических соперников России. Использование различных НКО (и методов сетевой «войны») может

обеспечить кумулятивный эффект от синхронного провоцирования тлеющих очагов конфликтов. В момент ослабления центральной власти в России можно *прогнозировать именно такую синхронную работу наших западных «партнеров»*, которые вроде бы (и действительно) работают в рамках закона и реально помогают группам населения решать свои проблемы. А стратегический эффект от этой деятельности — *антироссийский*. С 90-х гг. прошлого века Запад действует в регионе СК через множество согласованно функционирующих субъектов: *сетевые организации — различные НКО, которые работают по типу «пчелиного роя» и занимаются «РОЕНИЕМ» (разрыхлением) культурной почвы в регионе.*

«Технологии» и методы, используемые Западом для укрепления своих позиций в регионе, намного более эффективны. Они не привязаны к фактору территории и не покушаются на политический суверенитет России. Отточенный характер гуманитарной составляющей геополитического проникновения Запада на Кавказ позволяет успешно продвигать свой проект в регионе, включая и СКФО. Успехи Запада в регионе (относительные) во многом объясняются опорой на *умную «мягкую силу»*.

Какие же уроки можно извлечь из отечественного и зарубежного опыта в контексте нашей темы? Беглый анализ¹¹ зарубежного и отечественного опыта решения проблем нестабильности показывает следующее.

- Авторитарный подход может быть эффективен лишь на короткий период времени. Конфликты при этом загоняются «вглубь», напряжение копится и дает о себе знать при малейшем ослаблении государственной власти. Появляются также экстремистские движения. Поэтому в полиэтнических государствах и регионах за основу берется *принцип не гражданской демократии («один человек — один голос»)*,

¹¹ Более подр. см. сборник статей «Этнос и политика: хрестоматия (автор-составитель А.А. Прусаускас). М.: Изд. «УРАО», 2000. С. 116–128, 161–165, 190–200.

а коалиционной (многосоставной) демократии, когда этнические (или этноконфессиональные) сегменты имеют представительство в органах власти и право на особое мнение. Степень централизации в таких демократиях варьируется в зависимости от политической культуры масс.

- *Конфликты (этнополитические, этнотерриториальные и пр.) никогда не урегулируются полностью. Разрешение конфликтов — это процесс, в котором должны постоянно участвовать гражданские и традиционные структуры наряду с государством. Если профанируется такое соучастие — по причине «усталости государства от бесконечных дискуссий», — то в обществе наступает разочарование и легитимируется радикальный подход к решению проблем.*

- *Этнические сегменты общества должны иметь относительно пропорциональное представительство во всех органах власти. Нарушение пропорций служит «сигналом тревоги» для той или иной этнической «партии» во власти. Это правило соблюдается как на Западе (провинция Квебек в Канаде или Бельгия), так и на Востоке (Ливан, Индия).*

- *Для нейтрализации влияния этнического фактора на государственные решения целесообразно повысить роль муниципалитетов. Так поступают в Швейцарии или Малайзии. Общины более прагматичны в вопросах землепользования и рационального использования доходов.*

- *Для ряда республик региона (Дагестан, КБР и КЧР) со сложными полиэтническими обществами оптимальна централизованная модель коалиционной демократии при построении политической структуры власти. На практике такая форма власти в регионе функционирует в виде политического обычая. Но недостаточно отработан механизм согласований, накопились претензии этнических сегментов друг к другу.*

Исходя из всего вышесказанного, мне представляется, что определенные аспекты зарубежного и отечественного (в том числе и дореволюционного) опыта могут и должны быть учтены в деятельности Полпредства СКФО. История эта не

столь далеко от нас отстоит и дает о себе знать ежедневно. Представляются целесообразным опираться на следующие принципы и меры.

1. Институт Полпредства по СКФО имеет свой исторический аналог в лице Кавказского наместничества (XIX в. — начало XX в., г. Тифлис). Кавказское наместничество прошло ряд этапов в процессе своей эволюции. В интересующем нас ракурсе главными моментами являются следующие.

- На первоначальном этапе (вплоть до 1840-х гг.) Кавказское наместничество было сковано в своих действиях указами и распоряжениями Санкт-Петербурга, не имело должной автономии. Затем, с учетом негативного опыта продолжительной Кавказской войны, были внесены необходимые коррективы по линии «*Центр — Кавказское наместничество*». Наместничество было наделено большей самостоятельностью, начиная с периода генералов М. Воронцова (1840-е гг.) и А. Барятинского (1850-е гг.)¹².

- Секрет успеха в деле завершения Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе (август 1859 г.) заключался в *оптимальном сочетании социально-нравственного и силового факторов*, в максимально возможном учете местной специфики и уважении к религии и народным обычаям. К противнику — в лице имама Шамиля и его наибов и сторонников — относились с должным уважением; никого не третировали прошлыми деяниями. Тем, кто переходил на сторону России, всячески помогали устроиться в жизни, вплоть до материальной помощи и включения в состав органов власти — областных и местных.

- Использовался *гибкий подход в правоприменительной практике*. Созданные Барятинским своеобразные комиссии по конфликтам (и амнистии) состояли из представителей самого наместника, одного кадия (мусульманского судьи)

¹² Более подр. см.: *Дегоев В.В.* Три силуэта Кавказской войны: А.П. Ермолов, М.С. Воронцов, А.И. Барятинский // Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. С. 156–204.

и авторитетных людей от местных общин. Это было начало системы *военно-народного управления*, которое без изменений просуществовало вплоть до Февральской революции. В целом, управление регионом базировалось — на развитой системе традиционных институтов демократии в лице джамаатов и их союзов; на оптимальном сочетании имперского, обычного и шариатского права; на *доверии и уважении* и, соответственно, интеграции влиятельных лиц и представителей известных фамилий в имперскую элиту.

- Интеграция горцев Кавказа в жизнь огромной страны через каналы социальных и экономических связей и проектов поощрялась и поддерживалась, насколько это было возможно в тот сложный период. Была налажена система изучения и кодификации местного обычного права¹³. Затем это право получало статус закона в тех вопросах, которые не относились к тяжким преступлениям.

- Опирайтесь на более гибкий подход в случаях, когда очевидны назревшая мера и оперативное решение. Если это решение противоречит тому или иному федеральному закону, принятому в рамках *«совместного ведения и полномочий субъекта РФ и федерального Центра»*, то целесообразно наделить Полпреда в СКФО большими правами.

- Целесообразно организовать мониторинг и *анализ теневого (реально действующего) права* в критических сферах общественной жизни и того, как оно соотносится с формальным законом, как влияет на социальные, экономические и политические отношения в той или иной республике. Такой анализ — основа для последующих решений и инициатив по коррекции законодательства и принятия решений на уровне Полпредства СКФО.

¹³ Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. М., Кавказский этнографический сборник, 1962. Вып. 2. С. 244; Комаров А.В. Адагы и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I (переизд.). М., МНТПО «Адир», 1992.

2. СКФО как полигон для испытания антикоррупционного законодательства. Законы, ведение которых блокируется на уровне Федерального Собрания, можно было бы апробировать в отдельных субъектах СКФО.

Можно предложить следующие варианты решения проблемы:

- а) *создание комиссии (рабочей группы) из представителей государства, общественных организаций со следующими задачами: мониторинг ситуации с коррупцией в регионе и ее особенностей; разработка концепций законов с учетом местных социокультурных и этнополитических особенностей;*
- б) *внедрение системных мер по сокращению аппарата налоговых и таможенных органов с одновременным повышением зарплаты и ответственности за результаты деятельности; закрепление принципа тесной связи между объемами налоговых и таможенных сборов, с одной стороны, и доходами служащих соответствующих органов — с другой¹⁴;*
- в) *законодательное закрепление более жесткого контроля и отбора при утверждении кандидатур, участвующих в выборах на должности глав администраций городов и районов (образовательный, профессиональный и нравственный «ценз», учет факторов родственных связей и пр.);*
- г) *введение ограничений на занятие тех или иных должностей лицами, находящимися в родственных отношениях с высокопоставленными госслужащими или главами администраций городов и районов;*
- д) *введение системы льгот по налогам и неналоговым сборам для малого и среднего бизнеса (МСБ) и индивидуальных предпринимателей, которые активно занимаются социальной благотворительностью в муниципалитетах.*

¹⁴ Внедрение подобных мер позволило добиться повышения собираемости налогов и таможенных сборов в Гане (Африка) с 6,6 до 12,3% ВВП (за 1984–1988 гг.). Более подр. см. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство: причины, следствия, реформы. М, Логос, 2003. С. 108–109.

3. Качество управления регионом и безопасность: вопросы измерения. Можно предложить следующую модель измерения качества политического менеджмента региональных властей в субъектах СКФО как показателя, тесно связанного с социально-политической и социально-экономической безопасностью (далее — просто безопасностью) субъекта РФ. В интересующем нас ракурсе уровень безопасности (и, соответственно, качество управления) региона может быть определен на основе модели статистических связей и динамики ключевых социально-экономических и политических показателей за определенный период — к примеру, за два-три года. Анализ связей позволяет строить граф корреляций, на основе которого можно выявить наиболее информативные эмпирические индикаторы.

Авторская гипотеза состоит в следующем: *минимальный набор таких ключевых показателей, соотнесенных с прожиточным минимумом в регионе — исходных индикаторов для конструирования интегрального индекса безопасности и измерения качества управления в субъектах СКФО, мог бы включать в себя следующие индикаторы:*

- 1) доля налоговых и неналоговых сборов в ВРП;
- 2) ВРП на душу населения;
- 3) уровень обеспеченности собственными средствами в консолидированном бюджете;
- 4) уровень децильного коэффициента — социального расслоения, определяемого разницей между 10% самых богатых и 10% самых бедных;
- 5) соотношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму;
- 6) доля населения региона, живущего ниже черты прожиточного минимума;
- 7) доля безработных (в реальном исчислении) к экономически активному населению;
- 8) степень коррумпированности власти или степень экономической «свободы»;

9) уровень «верхушечного» террора и корыстных преступлений, связанных с распределением бюджетных средств и коррупцией;

10) уровень стабильности политического режима.

4. Коррекция методов КТО и информационной политики — это давно назревшая мера. Чтобы избежать явления превращения региона в хронический очаг нестабильности, *надо менять подходы и методологию борьбы с терроризмом в регионе, переосмыслить роль государства в религиозном конфликте. В противном случае, никакие меры социально-экономического характера и новые инвестиционные механизмы не будут иметь должного эффекта.* Критический анализ концепции и результатов КТО в регионе показывает, что необходимо внести существенные коррективы в ведомственные распоряжения по линии силовых и правоохранительных структур, изменить в корне подходы к решению проблемы экстремизма и терроризма в регионе.

Основная цель: значительное сужение социальной и духовно-нравственной базы экстремистского подполья и терроризма, восстановление стабильности и порядка в регионе на основе законности и права.

Задачи:

- восстановить уважение к законам и праву в процессе проведения КТО правоохранительными и силовыми структурами;
- утвердить роль государства как беспристрастного (стабилизирующего ситуацию) арбитра в религиозно-политическом конфликте;
- создать политические и правовые условия для нейтрализации религиозно окрашенного конфликта и интеграции потенциальной внесистемной оппозиции;
- вытеснить тему «терроризма и экстремизма» с «повестки дня» общественной и политической дискуссии и, таким образом, способствовать повышению инвестиционного рейтинга региона;

- в социальном и моральном отношении изолировать экстремистское подполье, добиться делегитимизации их духовно-идеологической и политической основы.

Методы и способы. Изменения в федеральных подзаконных актах, если это представляется целесообразным, и внесение необходимых корректив в ведомственных распоряжениях (подзаконных актах).

Реализация КТО на основе строгого соблюдения федеральных законов и норм права; исключение беззакония в отношении «подозрительных» личностей и групп на основе априорного их маркирования как террористов или пособников террористов.

Необходимо также внести существенные коррективы в *информационную политику* государства, которая, судя по экспертным опросам в регионе СКФО, воспринимается как антикавказская и раскалывающая российское общество по этническому и конфессиональному признакам. Важно преодолеть информационно-политическое раздвоение между идеями, провозглашаемыми федеральной властью, с одной стороны, и практикой работы центральных масс-медиа — с другой, без цензуры и покушения на свободу слова.

5. Новый инвестиционный механизм. Культурные и социальные особенности региона как нельзя лучше соответствуют императивам поощрения развития малого и среднего предпринимательства. Существующие инвестиционные механизмы и институты коррумпированны и забюрократизированны. Они совершенно недостаточны с точки зрения создания новых рабочих мест и развития малого и среднего бизнеса в регионе. Республиканские инвестиционные программы и Программа «Развитие Юга России» также показали свою несостоятельность, в силу вышеуказанных факторов. Между тем, регион СКФО располагает (сравнительно с другими регионами РФ) высоким потенциалом экономического развития: социально-антропологическим, геоэкономическим, ресурсным.

Если существующая система заражена «вирусом» разложения, то один из способов решения проблемы может быть найден на путях создания параллельного механизма с аналогичными функциями. За рубежом, в странах Востока и Запада, накоплен богатый опыт организации экономического развития территорий штатов и провинций на базе *инвестиционных банков развития*. Внедрение инвестиционного механизма на базе государственной инвестиционной корпорации (под условным названием «Развитие территории СКФО») позволило бы быстро включить этот потенциал в схемы развития новых конкурентоспособных производств, в существенной мере нейтрализовать безработицу в регионе и освободить инвестиционный процесс от влияния бюрократии и коррупции.

Подведем итоги нашего обсуждения.

1. Можно выстроить цельную и непротиворечивую систему проектов, которая позволит решить важные государственные задачи в регионе. Ключ к решению проблем в СКФО в указанном контексте надо искать, главным образом, во внеэкономической плоскости, не требующей масштабных затрат. Вышеперечисленные подходы требуют минимального финансирования, и они укладываются в *методы бесструктурного управления процессами в регионе*.

2. Сложность управления регионом из Центра, помимо известных причин, вытекает из унифицированного, недифференцированного подхода. Постановка задачи *синтеза традиций и модерна* позволяет снять это противоречие и включить местные культурные особенности в схемы стабилизации и развития. При этом необходим системный подход, когда политические меры и гражданские инициативы подкрепляются новыми *эффективными инвестиционными механизмами*. Строго говоря, на первом этапе политическими мерами и коррекцией методов КТО можно добиться заметного уменьшения роли фактора *внесистемной оппозиции* — легитимной базы экстремизма. Таким образом, запускает-

ся процесс диалога между религиозными «партиями». Но принцип системности требует подкрепить эти меры — как существенной коррекцией методов КТО, так и новыми инвестиционными механизмами. Только *комплексный подход* позволит переломить ситуацию к лучшему.

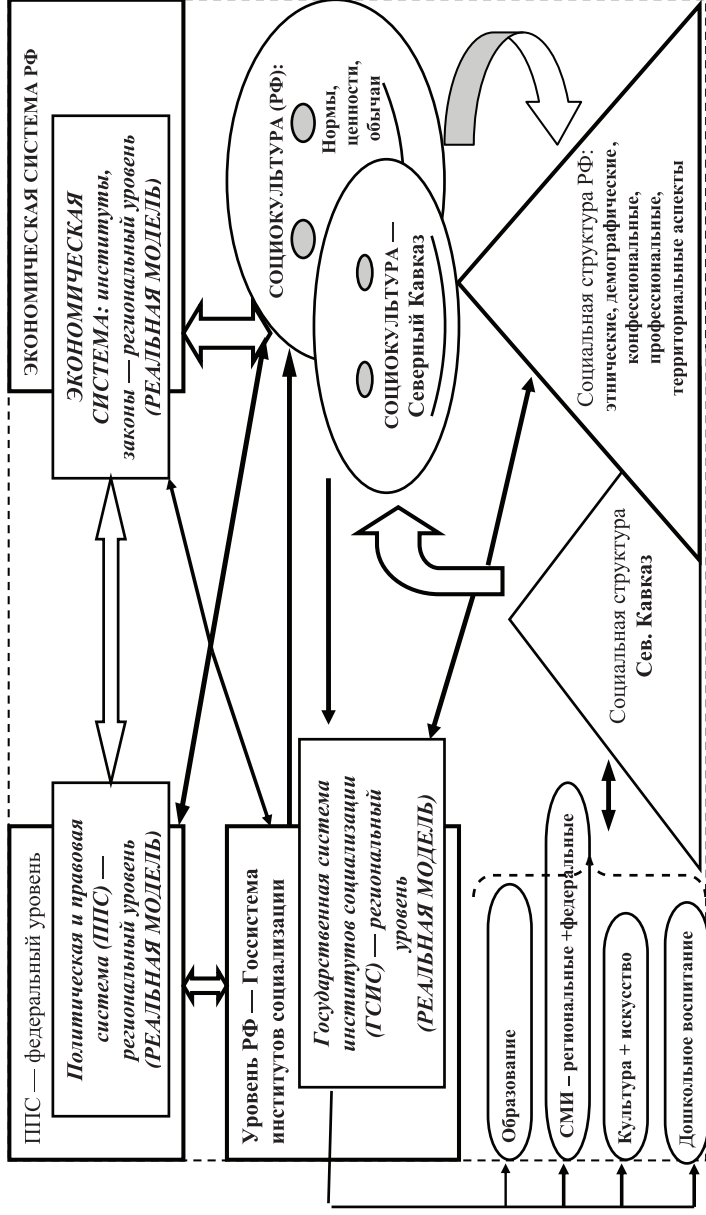
3. Поставленные выше задачи трудно решать *без опоры на современные и традиционные гражданские структуры*. Здесь важно обеспечить тесное взаимодействие государства в лице региональных властей, Полпредства СКФО и гражданского сектора, в том числе и в лице институтов традиционной демократии на уровне МСУ.

4. В субъектах СКФО при комплексном подходе можно в течение двух-трех лет добиться создания *единых «правил игры»* как для малого и среднего бизнеса, так и для крупных «игроков» в лице местных олигархов и влиятельных групп. Процесс установления таких единых (и справедливых) «правил игры» непременно должен начинаться именно с крупного бизнеса. Это позволит заметно *снизить уровень коррупции и доли теневой экономики в региональных валовых продуктах* до приемлемого (среднероссийского) уровня. Все это благотворно отразится на бизнес-этике, приведет к увеличению налоговых и прочих поступлений в бюджеты разных уровней. Как следствие, можно ожидать существенного перекрытия «каналов» финансовой подпитки экстремистского подполья.

5. Системный подход к решению проблем СКФО позволит также *сбалансировать (оптимизировать) роль региональной политэкономической элиты, ее отношения с местными гражданскими сообществами* — в том числе и традиционными; позволит повысить роль институтов гражданского общества на уровне местного самоуправления. В существенной мере удастся снизить роль местной олигархии в жизни республик Северного Кавказа. Как следствие, удастся постепенно нормализовать деятельность институтов местного самоуправления и судебно-правоохранительных органов за счет нейтрализации фактора теневого права и давления.

Приложение

Модель функционирования общественной системы (федеральный и региональный уровни)

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (И.Б. Орлов):

У меня два вопроса. Первый: как вы оцениваете научный потенциал Дагестанского научного центра, Владикавказского научного центра, которые всегда были тесно связаны с Южным, Ростовским научным центром? Насколько сейчас возможен адекватный мониторинг этой ситуации?

И второй вопрос: Вы нарисовали разные контуры, можно их понастроить очень много. Но работает ли здесь принцип свободного звена? Помните, как у Ленина: потянули и вытащили ситуацию. Или это клубок: потянули — и ничего. На Ваш взгляд, какие имеются решения проблемы? И есть ли какие-то ключевые «точки», потому что ресурсов не хватит на всех?

Ответ:

Спасибо за вопросы. Сначала о потенциале. В Дагестане и Северной Осетии имеется достаточно большой научный потенциал. Другое дело, что местные эксперты находятся в гуще событий, они включены в сложные этнополитические отношения — во всяком случае, в Дагестане. Здесь присутствуют и фактор власти, и внутриконфессиональный конфликт, и влияние местных олигархических структур. Поэтому, как правило, местное экспертное сообщество старается избегать острых углов. И это можно понять, но принять — вряд ли. Это первое. В Северной Осетии положение несколько иное — полегче, что ли. Там не так остра политическая ситуация, «плюс» этнически однородное общество, неактуальны проблемы религиозно-политического характера. Но проблема адекватной реконструкции ситуации и влияние (на нее) в регионе со стороны местного олигархического фактора достаточно остро стоит и в РСО — Алания. Но насколько осетинские ученые объективны в этом плане — трудно судить. В последний раз я с их исследованиями знакомился несколь-

ко лет назад, опираясь на совместные работы, проводимые в Институте социально-политических исследований РАН. Там были достаточно интересные моменты.

Теперь по поводу *ключевых «точек»*. Для этого мы и пытаемся реконструировать ситуацию и выявить связи между ключевыми факторами, провоцирующими нестабильность, чтобы определить самое слабое звено. То звено, потянув за которое, мы можем выйти к решению проблемы. Думаю, что мы можем представить ситуацию в таком плане. Я для себя сделал следующий вывод и его можно доказать: одним из главных определяющих моментов — в плане нейтрализации религиозно-политического экстремизма — является кардинальная ревизия в методах и теории контртеррористической операции (КТО). Силовой блок сам стал источником нестабильности, а силовой подход к решению *качественно иных* проблем набрал огромную негативную инерцию. Трудно переломить в этом плане ситуацию, но можно. Была бы только политическая воля и готовность выслушать нас.

Второй «контур» нестабильности и ключевой пункт — это влияние олигархического фактора местного масштаба. Здесь я исхожу из реально складывающейся ситуации в Дагестане и частично — в Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Думаю, что имеет смысл протестировать в этих республиках проекты *антикоррупционного законодательства*, которые не прошли через «сито» Федерального собрания. Почему бы и нет? Пусть таким образом Центр докажет искренность своих намерений в регионе, где этого «добра» хватает с лихвой. Ибо уровень коррупции тесно с ней связанной теневой экономики в регионе зашкаливает.

Здесь мы демонстрировали данные 1995 г. по теневой экономике, полученные на основе совместного исследования российских и европейских ученых. Согласно этим исследованиям, уровень теневой экономики (ТЭ) в Северокавказском округе значительно превышал этот же показатель в других субъектах Федерации, в России в целом — почти в два

раза. Я не могу вдаваться в методику измерения. В данном случае исследователи измеряли степень развития ТЭ по *методу налогов*: сколько недоплачено налогов на добавленную стоимость (НДС) в бюджеты разных уровней. Из таблицы видно, что в Дагестане уровень ТЭ, измеренный таким образом, составил 78%; в Северной Осетии и Ингушетии — соответственно 66 и 67%. В «русских» субъектах РФ — около 30–44%. Тоже много, но разница огромная, качественная. С тех пор мало что изменилось, хотя отдельные попытки глав некоторых республик — налицо. Именно поэтому имеет смысл сконцентрировать в аппарате Полпредства СКФО значительные полномочия в этом плане, если мы хотим решить проблему нестабильности по существу.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

Если можно, два вопроса. Первый вопрос — на уточнение позиции. Прозвучал тезис со ссылкой на премьер-министра В. Путина, что все равно, какой режим будет на Северном Кавказе, главное, чтобы он не угрожал России. А до какой степени все равно? Если там будет фашистский режим или теократический, где этот критерий?

И второй вопрос. В вузах до недавнего времени пока не перешли к системе работы с ЕГЭ, в вузы шел большой поток абитуриентов взяткоемких, в значительной мере — с Северного Кавказа. Сейчас, по показателям ЕГЭ, лидерами по успешности сдачи его опять выступают северокавказские республики. Откуда деньги при такой бедности населения?

Ответ:

Я цитировал Владимира Владимировича по смыслу. Когда он это говорил, вторая чеченская кампания была в самом разгаре, Европа постоянно обсуждала проблему Чечни и нужен был мир. Насколько далеко может зайти политический режим в Чечне, мне трудно судить. Я думаю, что Путин (тогда, президент страны), исходил из реальной ситуации, складывавшей-

ся в регионе, в целом в России и в отношениях с европейскими структурами. В этом плане я актуализирую именно этот посыл. Конечно же, мы не должны допускать ситуацию, чтобы политическая власть в любой из республик региона трансформировалась в теократическую или диктаторскую. Потому что есть ряд моментов, которые позволяют мне прогнозировать негативный тренд в развитии Чеченской Республики в долгосрочной перспективе, если федеральная власть не будет адекватно реагировать на ситуацию в республике. Это тот самый случай, когда «старший» исправляет «младшего», а Центр должен просчитывать ситуацию на десятилетия вперед. Хотя очевидны значительные успехи в республике, достигнутые именно при Кадырове-младшем. Это первый момент.

Во-вторых, не критичность в отношении методов правления в регионе (со стороны Центра) рано или поздно может взорвать ситуацию, потому что такая метода обеспечения стабильности может стать фактором, провоцирующим новую нестабильность. Напряжение и недовольство копится, и социальный «пар» может снести «крышку». А это способно вывести из равновесия всю политическую систему в регионе.

Относительно вопросов по ЕГЭ. Летом прошлого года я ознакомился с материалами по коррупции в школах региона после введения ЕГЭ. Именно ЕГЭ запустил новый виток коррупции: теперь она переместилась из вузов в школы. Это выразилось в значительном увеличении числа отличников (или почти отличников) из северокавказского региона. Легитимизация коррупции в «низах», на бытовом уровне и на уровне элит — это беда региона. Такое отношение верхов и низов к коррупции придает этому явлению системный характер: без нее ну никак не может функционировать вся общественная система. Впрочем, и в стране в целом такая же картина, но чуть в смягченной форме. Я реконструирую ситуацию так: семейственное начало (общинная солидарность) играет подавляющую роль в социальной практике, в том числе и в системе образования. Насчет денег я не понял. Деньги для чего?

В.Э. Багдасарян:

Для поступления на основе ЕГЭ. Из северокавказского региона, до появления ЕГЭ, значительное число студентов с Северного Кавказа поступали за взятки. Мне хотелось бы понять, откуда источник денег при общей бедности в регионе?

Ответ:

Насчет бедности региона — это статистический миф. Он отнюдь не бедный, разве что горные районы в республиках Северо-Восточного Кавказа, где проживают до 40–45% населения. Надо исходить, опять таки, из следующих факторов. Доля теневой экономики в северокавказских республиках в 2–2,5 раза превышает долю теневой экономики по России в целом. Это означает, что невыплаченные налоги, «плюс» приватизированные бюджетные средства, они как-то материализуются в виде теневого бизнеса, дополнительных активов или престижного потребительского бума.

Я попытался проанализировать статистику. По одним данным, по уровню теневых доходов и коррупции, самым важным эмпирическим индикатором является доля налогов и неналоговых выплат в ВВП или в валовом региональном продукте (ВРП). Если в среднеразвитых странах Африки эта доля составляет 9–13%, то на Северном Кавказе — примерно та же самая ситуация. В стране в целом этот показатель составляет 22–23%. Это неплохо. Но хуже, чем в странах Европы и Дальнего Востока. Регион нельзя считать бедным, о чем свидетельствует и статистика потребления.

Ученые Института этнологии РАН в свое время были поражены тому, что увидели в регионе. А увидели они картину, которая резко контрастировала с официальной статистикой: строительный бум, высокий уровень предпринимательской активности (в 2,5–3 раза выше чем в России в целом), ориентацию на успех — экономический и социально-профессиональный. По этим параметрам регион — уже, как минимум, Восточная Европа.

Еще один показатель: средний возраст жителя региона превышает аналогичный показатель по России на 7–12 лет и находится на уровне даже развитых стран Европы. То есть по некоторым показателям регион вполне однозначно можно поставить в один ряд со странами Европы, Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. По другим параметрам — с Африкой.

В своем докладе я попытался объяснить этот парадокс через социокультурные нормы и особенности социальной структуры. Здесь лежит и объяснение феномена «взяток» при поступлении в вузы: высокий статус высшего образования (желательно престижного и в Москве), и столь же высокая готовность платить по коррупционным «счетам», залезая даже в долги: «все ради детей!». С таким принципом живут там люди, отказывая себе во всем.

Вопрос (И.Б. Орлов):

Все республики Северного Кавказа дотационны. Значительная часть из них — так называемые депрессивные регионы. Что это? Система федеральных «откатов» властям за то, что они находятся на дотации, или нет? Реально ли существует система «откатов», когда федеральные органы вкачивают туда деньги, получая при этом свою маржу?

Вопрос (С.С. Сулакишин):

Тянется ли кавказская коррупция в Москву?

Ответ:

Это как «сообщающиеся сосуды». Чем больше этого «добра» здесь, в Центре, тем больше его и в регионе. Но если в одних регионах коррупционный потенциал (из Центра) гасится, нейтрализуется как-то, то на Юге страны, в особенности в республиках Северного Кавказа, он наоборот усиливается; получает дополнительный импульс.

Как происходит это взаимодействие? На федеральном уровне есть влиятельные, автономные акторы, со своими

ресурсами — как в информационном плане, так и в реально осязаемом, политическом и экономическом, — которые серьезным образом влияют на ситуацию в регионе. Приведу такой пример. В августе 2006 г., через полгода после того, как Муху Алиев стал президентом Дагестана, он присутствовал на совещании в ЮФО (в Ростове-на-Дону). На совещании привычно переводили «стрелки» на республиканские власти Северного Кавказа, обвиняя их в коррупции, в чрезмерно развитой теневой экономике. Причем на этом совещании присутствовали — генпрокурор, министр юстиции и министр внутренних дел РФ, 1-й зам. председателя ФСБ, другие высокопоставленные лица. Так вот, Алиев не выдержал и сказал в ответ буквально следующее (цитирую по памяти): *«Уважаемые товарищи! На глазах ваших представителей, ваших подчиненных в Дагестане ежедневно выходят в море браконьерские суда. И они выплачивают за каждый такой выход 20–25 тыс. руб. пограничной службе. И это все происходит на глазах прокуратуры, ФСБ, МВД. Почему же вы не спрашиваете по всей строгости со своих подчиненных? Почему мои обращения по этим и другим коррупционным моментам остаются без ответа?»*. Ответом ему было гробовое молчание... Никто не ответил, потому что нечем было крыть. После того, как Алиева сняли с должности и поставили нового, молодого президента, экс-президент как-то выразился насчет коррупции: *«Ищите корни в Москве»* (привожу из надежных источников). Если попытаться проанализировать ситуацию возникновения, поддержания, провоцирования коррупции в регионе, то на 50–60% это вклад федерального Центра. Собственный «вклад» составляет около 30–40%. Таково примерное соотношение. Очень трудно измерить, но эти цифры приводят-ся в порядке рабочей гипотезы.

Что касается дотационности, то надо говорить о *сверхдотационности и проблеме эффективного использования налогового потенциала*. Ведь дотационны не только северо-

кавказские республики. Если даже считать по консолидированным бюджетам (т. е. с учетом встречных финансовых потоков по линии «Центр — субъект РФ»), дотационными в России являются около 60% субъектов Федерации. Лишь около 35–40% — это доноры, богатые регионы, необделенные, как бы, Богом; или — выгодным геоэкономическим и политическим положением, как, например, Москва. К вашему сведению, уровень дотационности Псковской, Ивановской, Читинской областей — около 50%, Камчатского края — около 45% и т. д. Федерация на то она и федерация, чтобы стянуть в одно целое разные по своим возможностям регионы. Кстати, в западных федерациях (в Канаде, Испании, Швейцарии) или в индийской федерации никто и никого не корит дотационностью. Главное, чтобы региональные элиты старались максимально эффективно использовать налоговый потенциал, а чиновники и бизнес не прятали «жирные» куски экономики от фискальных органов. Но даже в идеальном случае некоторые республики на Северном Кавказе так и останутся дотационными, ибо таковы разделение труда в масштабах страны, социальная и экономическая структура в местных обществах.

Вопрос (И.А. Гундаров):

Я сам жил несколько лет на Северном Кавказе. У меня много друзей в Чечне, в Ингушетии. Сейчас я занимаюсь проблемами терроризма. Вы, как настоящий горец, очень аккуратно затронули эту тему, но хорошо изложили сложные проблемы, а я хотел бы их несколько обострить. Чтобы ответы были короткими, изложу свою точку зрения, а вы скажете — согласны с ней или нет. Проблема следующая: изучая причины возникновения терроризма очень важно затронуть — и Вы об этом сказали — психологию горца. Территория и психологический фактор обладают колоссальным влиянием: боль, обида, униженная честь, оскорбления. Без анализа конкретных террористических актов мы не разберемся в сути вопро-

са. Скажите, вот та девушка, которая взорвала себя на Лубянке, она — зверь или обезумевшая страдальница? Я считаю, что второе. Как считаете Вы?

Ответ:

В данном случае мы скорее имеем дело с явлением манипулируемого терроризма, когда внешние силы и спецслужбы задают определенный вектор и управляют законспирированными группами. Теракты в их исполнении дискредитируют ислам и цели подпольщиков. Впервые об этом феномене я прочитал в работах уважаемого С.Г. Кара-Мурзы лет 10 назад. Что же получается? Ей, террористке, 28 лет, два высших образования — по информатике и психологии. Хорошие отзывы и т. д. и т. п. И вдруг эта трагедия...

И.А. Гундаров:

Если покороче: я прав или не прав?

Ответ:

Да, я согласен с Вами, безусловно, вторая точка зрения — верная. Наши концептуальные, идеологические противники пытаются изобразить тех, кто совершает теракты, как зверей, абсолютно немотивированных. Когда в начале 2000-х гг. была реальная возможность купировать проблему, не дать ей развернуться, в органах, которые отвечают за это, вступила в действие другая «партия». Она пропустила десятки, а может и сотни боевиков или подозреваемых в поддержке террористов (так называемых «ваххабитов») через камеры пыток, через унижение мужского достоинства. Такое на Северном Кавказе не прощается. Наши политические лидеры руководствуются советами и концептами, которые подают люди, ориентированные на поддержание хронической нестабильности на Северном Кавказе. На превращение региона в российский вариант Палестины, а России — в Евразийский Израиль. Для меня это очевидно.

И.А. Гундаров:

Рана, боль от чеченской войны и поведения федералов, она сохраняется на Северном Кавказе?

Ответ:

В Чеченской Республике сохраняется.

И.А. Гундаров:

Без изучения исторических корней мы проблему терроризма не решим. И вот один из корней такой: конец 1980-х — начало 1990-х гг., лозунг: «Берите суверенитета сколько проглотите». Кто имел большее право на выход из Советского Союза: прибалты, которые легитимно вошли к нам после победы Петра I, или Чечня, которая была единственно насильно присоединена русским царем в XIX веке?

Ответ:

Мы переболели этим политическим романтизмом в начале девяностых. Обратите внимание на политическое поведение и речи нынешней чеченской элиты — бывших «сепаратистов». Многие стало понятным и очевидным за истекшие 15 лет. Сейчас уже многие прекрасно понимают, что такие регионы, как Северный Кавказ, — по культуре, может быть, не очень близкие к русским областям, — но объективно они тесно связаны с российской культурой и цивилизацией. От добра добра не ищут.

Мы, если рассуждать в терминах большой геополитики, — периферия великих цивилизаций. Северный Кавказ отнюдь не субъект, который генерирует новые концепции мирового или регионального устройства. Надо стараться найти себя, развивать свою идентичность в рамках российской цивилизации. Нам очень нравится концепция (С.Г. Кара-Мурзы) «Сборки России и строительства России как государства-цивилизации», независимого по отношению к западному миру. В рамках такой концепции многие

народы России и бывшего Союза найдут себе достойное место.

И.А. Гундаров:

В плане «сборки» российского народа, на какую «матрицу» Вы предлагаете равняться, к примеру, Дагестану? Мое предложение такое: не дагестанцам отправляться в Россию и формировать северокавказскую территорию по нашей либеральной модели, а Центру развернуться к Дагестану. Я Дагестаном занимаюсь 15 лет. Пытался разобраться, какая там экономика и социальная сфера. У вас один из самых низких уровней смертности, самая высокая продолжительность жизни (вместе с Ингушетией). Может быть, вы — *не* периферия, а модель идеального жизнеустройства? Я имею в виду Дагестан.

Ответ:

Действительно, республики Северного Кавказа по целому ряду очень важных социальных показателей могут быть образцом для остальной России. Здесь и уровень здоровья, и уровень социальной патологии, и состояние института семьи. По уровню развития криминала (убийства, разбои и грабежи), а также по числу самоубийств республики Северного Кавказа, как ни странно, занимают последние строчки в этой негативной иерархии среди субъектов РФ. Здесь гораздо меньше пьянства и наркомании, других социальных пороков. Нельзя «терять лицо» в обществе, если речь идет о городе, и в общине — если речь идет о селе. Вот этот феномен Вы и наблюдали в регионе.

В чем причина? Скрытый фактор здесь — симбиоз ислама и своеобразной северокавказской социокультуры. Это культура мобилизационного типа. Она мобилизует человека на успех. Характер мотивации — преимущественно достижительный: «как можно выше» (в социальной иерархии), «больше и богаче» (в социально-экономической иерархии)

или «круче» (в бандитской иерархии). Ясно, что у такой культуры есть и своя оборотная, негативная сторона.

Могу продемонстрировать некоторые данные из таблицы показателей индексов «качества человеческого материала» и «качества социальной сферы» (данные исследований ученых Центрального экономико-математического института РАН). Между Северным Кавказом и остальной частью России обнаруживаются существенные различия. К примеру, в регионе в 2,5–3 раза меньше разбоев и грабежей, убийств и самоубийств, в 3–4 раза меньше изнасилований (на 100 тыс. населения), чем в стране в целом. Здесь очевиден статистический парадокс: *регион по экономическим показателям числится в отстающих, а по качеству людского потенциала занимает первые позиции в стране.* Чем объяснить? Сказывается влияние социальной культуры — общественных нравов, обычаев и ценностей. Поэтому лучше говорить о взаимовлиянии культур, когда обмен культурными образцами и моделями поведения взаимно обогащают народы России, когда лучшие образцы других народов ассимилируются твоим народом и т. д. Кстати, это взаимовлияние четко проявляется в образе и стиле жизни горцев Кавказа и казаков Юга России.

Вопрос (С.Г. Кара-Мурза):

Вы рассматривали систему «Северный Кавказ» в рамках большой российской Системы? Очень хорошее представление, исходящее из одной системы постулатов — понятно каких. А вы не пробовали посмотреть с другой стороны: *поведение федеральных властей и местных властей — оно адекватно, но по другим факторам. Вы хотели бы, чтобы это было адекватно одним интересам, а они подчиняются другим.* Для них меньшим злом оказывается именно такой выбор политики. Если вы посмотрите таким образом, то где звено, которое заставляет современную власть действовать вне (вопреки) интересов России, Дагестана и даже, может

быть, своих личных интересов? Какие существуют факторы, силы, которые толкают регион в этот «коридор»? О том, что так нельзя себя вести, еще до первой чеченской войны все говорили довольно подробно. Был в то время клуб «Реалист», где все это обсуждали. Понятно, что с точки зрения России так действовать нельзя. Значит, кто-то региональную «эли-ту» заставлял. Пока мы этого не сформулируем — бесполезно обращаться к ней.

Вопрос (С.С. Сулакишин):

Что заставляет российскую «верхушку» делать так, как она делает?

Ответ:

Еще в канун первой чеченской войны эксперты заговорили о «партии войны» в Кремле — «партии», которая использует фактор Чечни как способ решения проблемы власти (ее преемственности) и как «прачечную» для огромных теневых доходов. К Дудаеву можно по-разному относиться, но он до последнего пытался достучаться до Ельцина и был убежден: Москва никогда не пойдет войной в регион. Но люди из той «партии» перекрыли ему канал связи с Ельциным. Еще более выпукло все это проявилось и в период начала второй чеченской кампании.

Вообще, нестабильный российский Кавказ (террористическое подполье и пр.) — это один из эффективных способов контроля российского общества, перевода социального протеста в этноконфессиональное русло. Нам четко идентифицируют врага, причем обобщения, коими пользуются политики и прикормленные властью масс-медиа, вызывают у многих северокавказцев внутренний протест: как так можно лгать и оскорблять целые народы? И появляются большие сомнения в искренности конечных устремлений правящей элиты. И эти сомнения небезосновательны, так что ваш вопрос — прямо в «точку». Все это укладывается в методу и

«технологии» контролируемого хаоса в регионе как самого эффективного способа решения меркантильных задач.

Не то чтобы первые лица государства этого (т. е. мира и стабильности в регионе) не хотели, но зачастую другие влиятельные акторы Системы задают (навязывают) свою «повестку дня» и свой подход. Так вот, перманентное состояние КТО (контртеррористической операции) в регионе — как раз из этого разряда. Для этого и нужны теракты в Москве.

Второй момент из Вашего вопроса: федеральная власть и/или ключевые федеральные акторы (один-два человека), они опираются на таких же влиятельных персон, «патронов» на местах. Последние гарантируют Кремлю стабильность, а федеральным акторам второго уровня — «откаты» и взаимный бизнес. В политико-экономическом плане правящий класс на федеральном уровне один, а на региональном — другой. В республиках региона сложились структуры квазипартийного типа: партии вроде есть по закону и по документам, но реальные партии — со своими «патронами», структурами и ресурсами — действуют в тени. Они формально входят в одну партию («Единую Россию»), будучи жесткими конкурентами на политэкономической сцене. Так вот, в регионе немалая часть из этой влиятельной клиентелы той мощной Системы (скорее, антисистемы, действующей на уровне федерального Центра) вынужденно-«добровольно» действует по тем же правилам. Общие интересы диктуют именно это. Им тоже выгодна ситуация перманентной нестабильности.

Другое дело — местные общины и органы самоуправления (общин и их союзов). Там наблюдается довольно высокая политическая активность и трезвый взгляд на «вещи». Когда дело касается ресурсов, выделенных общинам, районам, касается вопросов землепользования и т. д., сильно обостряется борьба. Пока не задевается этот непосредственный очевидный интерес, в местных общинах считают, что эти люди (представители различных партий, олигархи, высокопоставленные чиновники и пр.) занимаются своим бизне-

сом, и пока власти не вмешиваются в их дела, они терпят эту власть. Соответственно, региональные власти докладывают федеральным властям, что контролируют ситуацию. И они действительно контролируют ситуацию, когда речь идет о выборах в Госдуму или выборах президента России.

Мой коллега из Института этнологии РАН может обвинить меня в том, что я идеализирую местные общины. Но я всегда апеллирую к федеральному закону о местном самоуправлении, который (по факту) саботируют региональные власти и местные олигархи. И этот закон направлен на развитие местной демократии. Вспомним концепцию земства Солженицына. Как нигде в России, на Северном Кавказе (где проживают и казаки) правомерно широкое развитие местного самоуправления. Опора на эти структуры, на низовые формы демократии, может позволить нейтрализовать этот порочный круг, состоящий из олигархов и правящего класса (на уровне федеральной власти) и правящих групп (на уровне регионов).

Вопрос (С.Г. Кара-Мурза):

То есть, возможно, при тех методах правления, коими пользуется власть, издержки меньше, чем если бы они пошли по Вашему пути? Может, сейчас меньше крови льется?

Ответ:

С точки зрения их интересов — сохранения власти и собственности — да, возможно Вы правы. То есть лучше такой контролируемый «беспредел», чем неконтролируемая демократия, с большими шансами превращения ее в хаос. Но если рассуждать с точки зрения интересов подавляющего большинства — и россиян, и местного населения, — то такой ответ далеко не очевиден. Как правило, правящий класс рассуждает и предпринимает именно те шаги, которые учитывают стратегическую перспективу для своих корпоративных интересов.

Вопрос (Ю.А. Сафонова):

В последнее время в информационном поле появилось немало сообщений, основной смысл которых — обострение ситуации на Северном Кавказе. Если присмотреться, информационные поводы, которые для этого использовались в конце апреля, это в принципе достаточно слабые попытки, которые к серьезным последствиям не привели. Не думаете ли Вы, что это может быть *инсценированная тактика*, цель которой — смещение акцента политики федерального Центра с экономического, который сейчас превалирует, обратно, в сторону контртеррористического?

Д.Ш. Халидов:

Вы имеете в виду теракты в Москве?

Ю.А. Сафонова:

Нет, в Нальчике. Неудачная попытка покушения на Евкурова, события конца апреля — начала мая... Какие силы заинтересованы в продлении режима контртеррористической операции теми методами, в той форме, в которой она проводилась?

Ответ:

Здесь мы вступаем в область рабочих гипотез и конспирологии, анализа косвенных фактов методами стратегической разведки. К примеру, московские теракты в конце марта случились в аккурат сразу после переговоров Путина с заместителем Председателя Китая Ху дзин Тао — будущим руководителем страны. Это своеобразный «сигнал» Путину — не увлекаться восточным вектором в геополитике, ибо восточный «вектор» не может *не* привести к ущербу для западного «вектора». Кстати, в свое время и Норд-Ост как раз был приурочен к визиту одной из ключевых фигур Саудовской Аравии в Москву. Можно еще привести много примеров подобных странных «совпадений». Такие «вещи» не бывают случайными.

А что касается переключения внимания общественности, то действительно: такая точка зрения имеет право на жизнь. В экономике особенно нечем похвастаться, разве что успешным выполнением правительством функций пожарной «команды», как в Пикалево. На уровне федеральной власти есть сообщество людей, ориентирующихся на западные и израильские методы борьбы с терроризмом. Сознательно или бессознательно это происходит — я не берусь ответить. Такие методы «хороши» тем, что гарантируются постоянные конфликты и перманентная нестабильность — ситуация управляемого хаоса.

Что касается регионального уровня, то, как правило, правоохранительно-силовой блок там даже не пытается осмыслить ситуацию в такой плоскости. «Мочить» где попало и как получится — и все дела! Не думая о последствиях. «Насколько стратегические цели России совпадают с этими методами контртеррора и с соответствующими приказами из Центра?» — им это не столь интересно. Дальше вступают в действие социологические «механизмы»: рутинизация силовых практик, их коррупционализация. Война и контртеррористические акции, как способ повышения своего статуса — экономического в том числе, а не только социально-профессионального. Если попытаться с помощью лекций, семинаров поработать с этой частью людей в погонах, то на определенную часть их можно воздействовать.

Что касается президента Ингушетии Евкурова Юнус-бека, то существует достаточно обоснованная версия о манипулируемом теракте, совершенном против него. Он-то полагал, что в борьбе с терроризмом все как на войне: открыто и честно. Но ему показали, кто там устанавливает «правила игры». Он солдат в хорошем смысле этого слова. В своем обширном интервью газете «Время новостей» у него между строк читается следующее (контент-анализ показывает): он так же, в тех же терминах анализирует ситуацию, как и я об этом здесь откровенно говорю, и видит проблему в людях, которые уже

вошли в раж и для них стало привычным опираться на такие методы борьбы с терроризмом. Евкуров признает, что в практике силового блока набралось слишком много фактов беззакония и бессудных расправ, что, естественно, вызвало волну ответного террора.

Опираясь на анализ целого ряда прямых и косвенных фактов, я выявляю такую систему, и для меня становится очевидным: тот или иной госчиновник высокого ранга придерживается определенной концепции и видения проблемы. Я их ранжирую по степени лояльности тому курсу, который выведет Россию на спасительную траекторию. С другой стороны, я вижу людей, которые старательно вгоняют страну в зависимую траекторию, делающую ее частью англо-американского сценария, концепта. Одни это делают сознательно, другие (главным образом генералы-силовики) просто включены в этот сценарий.

Вопрос (С.С. Сулакишин):

Что может быть единым скрепляющим, цементирующим началом, которое объединяло бы мозаичный Кавказ и объединяло бы Кавказ с Россией. *Что это за начало?*

Ответ:

Если позволите — краткий исторический экскурс. В СССР этим началом была идея социальной справедливости и солидарности, которая подвигала народы активно включаться в строительство единой, большой страны. Я могу перечислить имена многих выходцев с Кавказа — и не только генералов и ученых, но и разведчиков, которые за рубежом выполняли ответственные задания. Все эти люди оказались на обочине, когда Россия потеряла *цель и смысл*.

В царской России — это идея великой державы для многих народов и сосуществования конфессий. Отношение к исламу укладывалось в формулу автономного (относительно) существования «терпимого меньшинства». На самом деле

царская Россия делала все, чтобы представители Северного Кавказа лучше интегрировались в российское общество.

Многие слышали или читали про «дикую» дивизию, состоявшую из кавказских горцев, блестяще себя показавшую на фронтах Первой мировой войны. Командовал ею великий князь, один из близких родственников Николая II (по-моему, его родной дядя). Между представителями известных княжеских фамилий империи шла конкуренция за право командовать эскадронами и полками этой дивизии. Затем, в 1916 г. было решено создать корпус на основе этой дивизии. Но подспела Февральская революция, и все покатило «вспять».

На новейшем этапе развития России неолибералы у власти призывают нас быть толерантными. Это стало ключом к новой национальной идее для россиян разных кровей и конфессий. Но толерантность в такой упаковке предполагает также терпимость к разрушительным тенденциям в общественных нравах и к псевдокультурным ценностям. Это нас совершенно не устраивает. На новейшем этапе общей идеей, которая нас объединит, может стать идея спасения страны, вывода России на спасительную траекторию. Идея, предполагающая центральное место России в евразийском союзе стран с «левой», социальной начинкой; Россия — как центр духовно окрашенной и социально ориентированной альтернативы проектам Запада (мондиализму, глобализму), во главе с англо-американским истеблишментом. В таком контексте Россия может объединить многие народы и религии мира.

С.С. Сулакшин:

Еще вопрос: Как, где, кто формирует кавказскую политику федерального Центра? Где она вырабатывается?

Ответ:

Вы задали самый сложный вопрос. На уровне высшего звена управления страной первые лица, как правило, говорят

правильные вещи. Но концептуально они говорят не совсем адекватные «вещи», когда рассуждают о проблемах Северного Кавказа, и ставку делают исключительно на очередные инвестиционные вливания и контроль за расходованием бюджетных средств. Это неадекватная реконструкция ситуации. У меня создается впечатление, что решения, конечно же, принимают первые лица. Но какие именно решения принимать — им подсказывает вполне определенная когорта людей, имена которых трудно назвать. Это ближайший круг доверенных соратников из силовиков, советники и помощники из неолибералов — креатуры компрадорской олигархии.

На уровне второго звена, если иметь в виду политику на Кавказе, федеральный Центр занимается *имитацией* назревших и столь нужных шагов. Если рассматривать в рамках постмодернистской концепции, то они выдают «на гора» симулякр, имитационный продукт из системно несвязанных проектов. То есть выдают некий «продукт» и говорят: «Это и есть наш подход к решению проблем Северного Кавказа». Очередная имитация — это группа одной из известных пиар-персон страны, которая разъезжает по Северному Кавказу и, якобы, пытается нащупать слабые звенья и приблизиться к решению назревших проблем. Таким образом, решение проблем уводятся в сторону от реально эффективных и адекватных шагов.

Вопрос (Е.Г. Семирякова):

Какова сегодня роль женщины на Северном Кавказе в общественно-политической жизни региона? Мнений много, одно из них — женщина не решает ничего. Какова роль женщины, матери сегодня в регионе?

Ответ:

Для мужчин на Северном Кавказе наиболее важным является не «потерять лицо». Это тот самый случай, когда социальная активность может быть наказана. То есть реальна

угроза «потери лица», когда мужчина не может обеспечить семью, некий минимальный стандарт для семьи, когда он может потерять должность. Соответственно, на передний план выходит довольно часто женщина и женские организации. Здесь много предубеждений и ложных стереотипов насчет заботности женщин. Мы видим, как на самом деле активно женщины ведут себя в регионе, и вы могли в этом убедиться.

Вопрос (В.В. Аверков):

Вопрос связан с потенциалом местных сообществ. Вы говорили о том, что, возможно, в них — корень решения кавказских проблем. Насколько они связаны с региональными элитами? Насколько вообще местные сообщества могут влиять на формирование региональных элит? Такое ощущение, что местные сообщества существуют отдельно, а региональные элиты — отдельно. Как они взаимодействуют между собой и как местные сообщества могут изменить ситуацию изнутри?

Ответ:

Связь местных сообществ с региональными элитами противоречива, неоднозначна. В самой региональной элите, в каждой из республик можно выделить два уровня. На первом, высшем уровне элита представлена одной или несколькими (самыми влиятельными) «партиями» во главе со своими лидерами. Власть и собственность, контролируемая ими, позволяет этим неформальным партиям играть ведущую роль в политике на республиканском уровне. Формальный статут лидеров таких «партий» вовсе может и не совпадать с их неформальным статутом и влиянием. Зачастую мэр города — более значительная фигура на местной политической сцене, нежели руководитель какого-либо ключевого министерства. Все дело в ресурсах власти, которые прямо пропорциональны его финансовым возможностям. Связь элиты этого уровня со множеством местных общин — косвенная,

опосредованная представителями элиты второго уровня: депутатами местных парламентов, чиновниками в республиканских структурах и т. д. Хотя элита первого уровня не теряет связи со своими родными общинами и всячески помогает им. Благо возможностей для этого предостаточно.

Таким образом выстраивается сложная трехуровневая система связей элиты с местными общинами. Представители элиты первого уровня по отношению к представителям второго уровня выступают как «патроны», с развитой сетью своей клиентелы из разных этнических сегментов. А представители второго элитного уровня выступают в качестве «патронов» уже для своих общин или групп общин (землячеств) одной этнической группы. Получается, с одной стороны, мы имеем дело со связью *патронажно-клиентального* характера, когда «патрон» рассматривается как добытчик льгот и ресурсов для общины; во всяком случае, для его клиентелы, а через нее — и для всей общины (в селе, группе сел). Если клиентела в городе, то сказанное еще более верно, только с тем условием, что здесь местная демократия слабо выражена. Гражданские структуры в городах подобны отдельным «островкам» в море структур общинно-земляческой и олигархической формы. Так что для региональной элиты первого (ключевого) уровня в данном случае открывается перспектива бесконтрольного функционирования. Происходит самовоспроизводство элиты, нарушаются каналы обновления, и действие социального «лифта» слабо выражено. Общество начинает все отчетливее приобретать сословные черты.

С другой стороны, местные сообщества на уровне районов и сел критичны к коррупции и злоупотреблениям властью. Здесь дело непосредственно касается благополучия членов общин. Соответственно, на этом уровне больше признаков демократии и контроля общества (точнее, общин) за властью. Можно привести много примеров из социо-политической практики Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии. Кроме того, каналы обновления мест-

ной власти также действуют достаточно эффективно. Если местная власть не соответствует ожиданиям общин, то они его переизбирают. Бывает что местные власти (главы администраций сел, поселков и районов) пытаются опереться на сильных «патронов» республиканского масштаба. Но если такая связь не приносит очевидных выгод для местных сообществ, то и это не помогает в деле укрепления власти на уровне местного самоуправления. Иногда дело доходит до серьезных конфликтов, когда местных боссов выкидывали из коридоров власти сами же жители (при молчаливом согласии республиканских властей). А нередко местные боссы (олигархи мелкого пошиба) «покупают» лояльность республиканских властей, и им на подмогу направляется ОМОН. Дело иногда доходит и до кровопролития.

Такова сложная связь местных сообществ и региональных элит.

В контексте этой темы можно выделить еще один важный *политический аспект*. Он заключается в том, что традиции местного самоуправления и сильного гражданского начала (на уровне общин) и этнополитические интересы должны получить свое адекватное отражение в политической системе в республиках Северного Кавказе. Система власти, унифицированная по всем регионам страны, не отражает реальной политической ситуации и местной социокультурной и этнополитической специфики.

Приведу пример. В начале 1990-х гг. мы были организаторами съезда народов Дагестана. Вслед за нами съезд народов Дагестана был организован Президиумом Верховного совета республики (в то время — высшим органом власти). Именно на съезде народов Дагестана мы приняли концепцию Конституции Дагестана как составной части РФ, но с учетом местной специфики. Некоторые моменты из этой концепции были включены в Конституцию Дагестана: Конституционное собрание из 250 человек; Госсовет из представителей всех (конституционно обозначенных) народов-этносов (ана-

лог коллективного президента); принцип относительного консенсуса при принятии решений Госсоветом Дагестана и др. Эта система власти действовала до конца 2005 г., пока не наступила эпоха «вертикали власти» и унификации политических конструкций в регионах. Мы полагаем, что можно было бы совершенствовать эту «конструкцию» — с целью активного включения в политический процесс местных обществ. Соответственно, все крупные общины Дагестана получили бы очень высокий статус, и через институт ежегодных съездов можно было бы обсуждать ключевые проблемы и стратегические вопросы. Таким образом, традиции местной демократии получили бы реальное отражение в республиканской «конструкции» власти (что-то похожее на швейцарскую практику). Такая «конструкция» власти восстановила бы каналы обратной связи; начал бы действовать механизм социально-политического «лифта» и обновления элиты. Кстати, подобный концептуальный подход вполне годится и для других сложных (в этническом и конфессиональном отношении) республик региона.

Кавказ подобен «спящему» заряду, который может быть подорван в любой момент

И.Б. Орлов, доктор исторических наук

Когда говоришь о Северном Кавказе, на память сразу приходит опыт советско-финской войны, когда финны замуровывали мины заранее — в строящиеся мосты. Это даже не бомба замедленного действия — это «спящий» заряд, который может быть взорван в любой момент.

Самый молодой федеральный округ, чья территория составляет всего 1% территории Российской Федерации, имеет самые застарелые и самые крупные проблемы, которыми легко манипулировать извне. Одна из таких проблем — территориальные споры, периодически вспыхивающие в этом беспокойном регионе.

В отличие от других федеральных округов, где «русский фактор» может выступить «скрепой», привязывающей регион к России, СКФО является единственным округом, где этнические русские составляют меньшинство населения (30,1%). При этом отток русского населения из республик Кавказа и процесс дерусификации этнической структуры округа продолжаются. Пропорциональное национальное представительство в системе государственных органов на Северном Кавказе имеет место только в Дагестане, где выборы на практике выступают «демократическим обрамлением» этнического квотирования. Напротив, в полиэтничной Северной Осетии — Алании, по сути, функционирует моноэтнический парламент. В Адыгее принцип этнического представительства привел к безусловному преобладанию в органах власти адыгейцев, которые составляют менее четверти населения республики. Очевидным следствием такой диспро-

порции стали требованием русского населения республики и возвращении республики в состав Краснодарского края.

Надо учитывать и то обстоятельство, что на сегодняшний день все северокавказские республики являются дотационными, а большая их часть входит в число депрессивных регионов. Низкий уровень урбанизации в Ингушетии (около 43%) и Чечне (около 35%) и, соответственно, высокая доля сельского населения, отличающегося большей религиозностью и традиционализмом, является фактором, сдерживающим модернизацию региона.

Конечно, исследование потенциально конфликтных ситуаций целесообразно проводить по всему спектру направлений — геополитическому, социально-экономическому, этно-конфессиональному, демографическому, политико-идеологическому, культурному и пр. Так же как необходим учет не только явных, но и скрытых противоречий. Но в рамках данного выступления я вынужден ограничиться вопросами спорных территорий, которые серьезно отягощены этническими противоречиями.

Конечно, пик этнотерриториальных противостояний пришелся на конец 1980-х и 1990-е гг. Некоторые споры проявились в ходе предвыборной кампании 1999 г. Однако большая часть этих конфликтов сегодня находится в скрытом или «замороженном» состоянии, вследствие чего сохраняются угрозы и риски стабильности как всего региона, так и его отдельных частей.

Истоки многих проблем в округе своими корнями уходят в исторические коллизии XX в. — революцию и Гражданскую войну, расказачивание и коллективизацию, депортацию народов и распад СССР. Корни значительной части нынешних конфликтов лежат и в событиях последних лет, породивших экстремистские формы национального самосознания и исламского «возрождения», расцвет клановых структур и т. п.

Питательную почву для возникновения межэтнических конфликтов и напряженности во взаимоотношениях отдель-

ных субъектов РФ создает наличие большого количества административных границ, неоднократно пересматривавшихся на протяжении XX в. Основой современных проблем административного и государственного деления¹ является исторически сложившийся характер расселения — компактное и чересполосное. Существенно различия и плотность населения в округе. Если в Ингушетии она составляет более 127 человек на кв. км², то на северо-западе Дагестана (Ногайская степь) плотность населения не доходит до 2-х человек на кв. км.

Дополнительный источник межнациональной напряженности — наличие больших и в разной степени организованных диаспор. Понятно, что наибольшие риски межэтнических конфликтов возникают в местах компактного расселения переселенцев «новой волны» конца XX — начала XXI вв. (в том числе перемещение населения из горных районов в равнинные). К регулярным конфликтам (вплоть до демонстрации вооруженной силы) приводит и этноклановая раздробленность.

Оборотной стороной создания национальных автономий в первые годы Советской власти стало усиление политизации этносов, а земельный дефицит³ привел к возникновению

¹ Например, при определении границ субъектов РФ (Ингушетия, Осетия и Чечня, Ставропольский край) или муниципальных образований (в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии), а также государственных границ РФ (проблема Южной Осетии и лезгин в Азербайджане). Так, лезгинское движение «Садвал» выступает с требованием создать Республику Лезгистан, в качестве юридического основания ссылаясь на постановление ВЦИК от 20 января 1921 г. и резолюцию Вседагестанского Учредительного Съезда Советов, отметивших факт разделения лезгинского народа и необходимость решения территориального вопроса.

² При этом почти 3/4 населения Ингушетии проживает на 10% территории — в Сунженской долине и прилегающих к ней участках, где плотность сельского населения превышает 600 чел. на кв. км, что является максимальным показателем для России.

³ На Северном Кавказе территориальная экспансия воспринимается как прямое посягательство на основы существования самого этноса.

или обострению проблемы спорных территорий и, соответственно, усилению межэтнических противоречий. Неудачным оказался и опыт создания в 1924 г. Северо-Кавказского края, объединившего всю территорию Северного Кавказа, за исключением Дагестанской АССР и Калмыцкой АО. А с образованием национальных округов и автономных областей, в том числе «составных», этнотерриториальные проблемы перешли на уровень самих автономий.

В связи с распадом СССР указанные проблемы вылились в требования предоставить каждому коренному этносу Кавказа возможность:

- 1) образовать собственную государственность (Карачай, Черкесия, Кабарда и Балкария);
- 2) объединить родственные народы в новые субъекты Федерации (Карачаево-Балкария, Кабардино-Черкесия, либо единая Черкесия в границах Черкесии, Кабарды, Адыгеи и приморских районов Краснодарского края);
- 3) преобразовать существующие полиэтничные республики в некие малые федерации.

Хотя этнический состав населения Дагестана за последнее столетие изменился мало, существенно изменилась география расселения народов. Перемешивание населения ранее моноэтнических районов и населенных пунктов и ранее «лоскутного» Дагестана привело к разрушению стабильных этнических анклавов. Непропорционально большое количество районов в Дагестане в качестве механизма гарантии прав отдельных этнических групп в рамках мононациональных административных единиц не решило проблемы, т. к. земельная проблема в значительной степени решалась за счет равнинных земель кумыков. В ноябре 1990 г. II съезд кумыкского движения провозгласил образование Кумыкской республики «на исторических территориях» в Дагестане: бывший Темир-Хан-Шуринский и Хасавюртовский округа, район Махачкалы, Каспийского побережья и другие местности, на которых к 1921 г. (год образования Дагестанской

АССР) кумыки составляли большинство населения. Сегодня возникшее еще в 1989 г. кумыкское национальное движение «Тенглик» поднимает вопрос о несостоятельности государственного устройства Дагестана.

В результате административных пертурбаций 1930–1950-х гг.⁴ ногайский народ оказался разделен между несколькими субъектами РФ. В 1990 г. III курултай ногайцев выступил с требованием создать Ногайскую республику в составе РФ из частей территорий Дагестана, Ставропольского края и Чечни.

Еще одна важная этнотерриториальная проблема связана с незавершенностью процесса реабилитации репрессированных народов и, в частности, восстановление Ауховского района Дагестана, существовавшего до выселения чеченцев-аккинцев. На территории района был создан Новолакский район, куда были переселены лакцы из горных районов. С указанной проблемой смыкается проблема Хасавюртовского района Дагестана, населенного чеченцами.

Достаточно долгую историю имеет территориальный спор (Владикавказ и территория нынешнего Пригородного района РСО — Алания) между Осетией и Ингушетией. Когда 7 июля 1924 г. ВЦИК принял решение об упразднении Автономной Горской Республики и ее расчленении на Северную Осетию и Ингушетию — Сунженский казачий округ, Владикавказ и Грозный были выделены в самостоятельные административные единицы⁵. В начале 1929 г. Сунженский округ был присоединен к Чеченской автономной области,

⁴ В 1938 г. в состав Орджоникидзевского (с 1943 г. — Ставропольского) края был передан Кизлярский округ, заселенный в значительной степени ногайцами. После депортации чеченцев и ингушей в 1944 г. Ногайская степь была включена в состав созданной Грозненской области, а в 1957 г. Ногайскую степь разделили на три части между Дагестаном, Ставропольским краем и Чечено-Игушской АССР.

⁵ При этом Владикавказ остался общим административным центром и Осетии, и Ингушетии.

а в январе 1934 г. Ингушетия была объединена с Чеченской АО в одну Чечено-Ингушскую автономную область в составе Северо-Кавказского края.

После депортации чеченцев и ингушей и образования 22 марта 1944 г. Грозненской области, западные, восточные и южные районы республики были переданы в состав Осетии, Дагестана и Грузии. В частности, к Северо-Осетинской АССР отошли непосредственно прилегающий к Орджоникидзе Пригородный район (за исключением южной его части) и большая часть Ачалукского района. После восстановления в 1957 г. Чечено-Ингушской АССР Пригородный район не был возвращен в ее состав. Спор между Ингушетией и Северной Осетией по поводу Пригородного района привел в 1992 г. к кровавым столкновениям, и в урегулирование ситуации в регионе вынуждена была вмешаться российская армия. Территориальные претензии Ингушетии к Осетии получили свое «юридическое» оформление в ст. 11 Конституции Ингушетии. В итоге, после раздела Чечено-Ингушской республики у Ингушетии нет точно установленных и юридически закрепленных границ ни с Осетией, ни с Чеченской Республикой. Чеченские власти хотят пересмотреть в свою пользу границы нефтеносного Малгобекского района Ингушетии, а также изменить границы Сунженского района, центром которого в Чечне является станица Ассиновская, а в Ингушетии — станица Слепцовская.

Несмотря на то, что историческая Черкесия⁶ ушла в прошлое, память о ней до сих пор оказывает влияние на современный политический процесс. В ходе экспансии России на Кавказе территория Черкесии «сжалась» до четырех небольших анклавов — Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи и разрозненных шапсутских аулов, расположенных в районе от Сочи до Туапсе.

⁶ Историческая Черкесия включала в себя территорию от побережья Черного моря — на западе до истоков р. Терек — на востоке (территории современной Ингушетии).

На фоне обострения межнациональных противоречий в период выборов 1999 г. в Карачаево-Черкесии была реанимирована идея создания единой «Черкесии». Наряду с этой идеей периодически, по мере обострения социально-политической ситуации, возникают другие проекты объединения адыгских и абхазских народов в единую государственность — «Великая Ичкерия», «Кавказский Дом» и др., что предполагает изменение границ субъектов современной России. Нельзя забывать и о призывах лидеров этнических движений образовать самостоятельную Балкарскую (объединенную Карачаево-Балкарскую) республику или, по крайней мере, превратить КБР в федерацию, состоящую из двух равноправных республик — Кабардинской и Балкарской.

Поводом к возникновению в Карачаево-Черкесии этно-территориальных проблем на уровне республики послужило несправедливое, с точки зрения абазин, установление границ муниципальных образований. Эти же события в республике ускорили образование в КЧР Ногайского административного района, что рассматривается лидерами ногайцев как первая победа на пути создания Ногайской республики. К созданию своих автономий готовы часть русских и черкесов в КЧР. В Кабардино-Балкарии балкарцы протестуют против включения своих территорий в состав муниципалитетов с преимущественно кабардинским населением. Аналогичные требования раздела административных районов на этнически однородные высказываются и в других республиках.

Сохраняется опасность того, что эти территориальные споры, в совокупности с другими проблемами, могут взорвать Кавказ, создав угрозу территориальной целостности России в целом.

Мы перешли к периоду до Кавказской войны

А.О. Булатов, доктор исторических наук

С основным содержанием доклада я не спорю, как и с прозвучавшими здесь выступлениями. Просто некоторые моменты я хотел бы дополнить, в чем-то уточнить. Я этнограф, занимаюсь Северным Кавказом (в большей степени Дагестаном). Многие из тех проблем, о которых здесь говорилось, я вижу на практике.

Есть ли среди присутствующих люди, которые знают, как устроена жизнь в ваххабитских общинах? Я в середине 1990-х гг. видел, как молодые люди попадают в эту среду. Главная причина, по которой они там оказываются — это неприятие окружающей действительности с социальной, мировоззренческой стороны и поиск социальной справедливости. Поэтому, когда мы сейчас обсуждаем вопрос, как нам обеспечить государственную безопасность на Северном Кавказе, безопасность находящихся там людей, то это и есть основной принцип — обеспечить основному населению региона хотя бы относительную социальную справедливость.

Дагестан был и остается «красным», и этот цвет вполне сочетается в последние годы с набирающим силу «зеленым». Он остается таковым не потому, что там не помнят репрессии 1930-х гг. или им нравится советская бюрократическая система. Все это было, и память об этом сохранилась. Но в советское время было главное — то, чего нет сейчас: было государство, стоявшее над всеми силами, всеми кланами, над местными руководителями разного уровня, которые сейчас, по сути, превратились в феодальных князьков. И это государство могло простого человека хоть как-то защитить, была какая-то стена, к которой можно было прислониться. Сейчас ее нет. Получается парадокс, характерный, кстати, для всей страны, но наиболее остро проявляющийся сегодня на Северном Кавказе: сильна власть чиновников, перед которой

обычный человек практически беззащитен, и мало или почти нет власти государства как силы, стоящей и над чиновниками, и над простыми людьми. Особенно остро это воспринимает молодежь.

Чем ваххабиты привлекают молодежь? Очень много споров традиционалистов и ваххабитов по поводу разных трактовок различных положений Корана. А вот если говорить про социальную сторону, то все сводится к очень простым четырем положениям:

- 1) мусульманин не должен жить в социально несправедливом государстве;
- 2) он не должен находиться под властью кафиrow. (Очень часто в последние годы между этими двумя положениями ставится равенство, потому что государство воспринимается как социально несправедливое);
- 3) он должен бороться с социальной несправедливостью, вступая на путь джихада (джихад — не всегда война, но действующие сейчас на Северном Кавказе сторонники радикального ислама понимают его именно как войну);
- 4) смерть на пути джихада — прямая дорога в рай.

Что может этим четырем положениям противопоставить так называемое традиционалистское духовенство и действующая на местах государственная власть? Ничего. На местах — не только в Дагестане, но и в любой другой северокавказской республике — все всем известно: кто сколько заплатил за какое место и должность, кто кого из чиновников заказал и т. д. Несправедливость, коррумпированность и безнаказанность существующей светской власти приводят к поискам альтернативы, в качестве которой в большинстве северокавказских республик выступает переустройство общества на исламских началах. При этом речь идет не о том устройстве, которое существовало в прошлом и при котором жили предки современных дагестанцев и их соседей, когда ислам, при формальном признании его главенства, в реальности выступал как часть традиционного образа жизни и

мировоззрения, находящаяся в симбиозе с другими его сторонами. Такая форма ислама, соединявшая в себе адатные и шариатские нормы, включавшая в себя множество языческих по сути календарных обрядов и праздников, магических и мистических практик, была результатом многовековой адаптации ислама к условиям жизни местного населения. Она не несла в себе социальную или какую-либо иную конфликтность. Сейчас ситуация совсем иная. Возрождающийся, а по сути уже возродившийся ислам отражает конфликтное состояние общества и сам во многом выступает как конфликтотенный фактор.

На мой взгляд, одна из самых главных проблем, связанных с Северным Кавказом, — это отсутствие какой-либо более или менее внятной политики; точнее сказать, она есть, но ее содержание сильно пахнет архаизацией.

Российское государство в своем взаимодействии с Северным Кавказом прошло три этапа: Первый этап — до начала Кавказской войны. Это время прямого подкупа местных владетелей, когда за признание себя подданными Российской империи им просто давали какие-то звания, назначали жалование, подарки посылали. Это действовало, пока не находилась какой-то другой влиятельный политический игрок на кавказском поле — турецкий султан или иранский шах, который их перекупал. Второй этап — Кавказская война, период открытого столкновения, когда разделение пошло не только по линии Россия — кавказские горцы (дагестанцы и чеченцы), но и внутри них. На стороне Шамиля воевали далеко не все горцы. Основная часть населения Дагестана — даргинцы, лакцы, лезгины, табасаранцы, кумыки и другие народы — участия в войне не принимали, за исключением отдельных эпизодов со стороны некоторых даргинских обществ. Так же не все аварцы, составлявшие — наряду с чеченцами — главную опору имама Шамиля, сражались за него. Третий этап — после окончания Кавказской войны, когда происходило включение Дагестана и других регионов

Северного Кавказа во всероссийский рынок, шло приобщение к русской и через нее — к европейской культуре. Период Советской власти принципиально эту политику не изменил, добавив глубокие социальные преобразования.

Сейчас все возвращается назад. Мы перешли уже к периоду до Кавказской войны, и задача состоит в том, чтобы, не дай бог, сейчас там что-нибудь не полыхнуло, поэтому нужно подкармливать местные кланы или, как их еще называют, группы интересов, выбирая из них наиболее приближенных к себе и поддерживая какое-то равновесие между остальными. Я называю это «чеченским синдромом». Прежнее руководство страны в 1990-е гг. своей политикой на Кавказе (и не только там), граничившей с предательством национальных интересов, наломало дров, а теперь их преемники вообще опасаются предпринимать какие-либо решительные действия, чтобы не нарушить сложившуюся там клановую систему распределения власти. Это порочная практика. Никогда при такой политике не будет порядка. Клановые структуры нужно не сохранять, а уничтожать. Исламский радикализм, набирающий силу, является оборотной стороной существующего положения вещей, и не меняя структуру власти его не остановить.

Теперь о прозвучавшем в выступлении Деньги Халидова предложении расширить местное самоуправление, исходя из существовавших в прошлом и в определенной мере еще сохраняющихся традиций общинного (джамаатского) самоуправления. Я совсем не против усиления местного самоуправления. Но в нынешней ситуации закон о местном самоуправлении не будет действовать так, как должен был бы действовать. Местный чиновничье-олигархический слой не даст. Его представители на разных уровнях привыкли к другому — к распределению всего (денег, ресурсов) между собой. Поэтому, по сути, вполне правильное предложение Деньги Халидова в нынешних условиях просто не будет работать.

Народ долго помнит обиду, особенно горский

*И.А. Гундаров, доктор медицинских наук,
кандидат философских наук*

Я получил большое удовлетворение от доклада. И хотел бы узнать больше о тех проблемах, которые меня волнуют. Главная из них (вполне серьезно): почему вы называете Северный Кавказ периферией? На основании каких сравнений доказано, что, например, качество жизни населения Южного федерального округа хуже, чем Центрального? Следуя за призывом президента Медведева к модернизации страны, необходимо искать ту модель социально-экономического устройства, которая способна наиболее эффективно работать в существующей сложной ситуации. Для поиска мы разработали информационную технологию — «Барометр благополучия регионов России», с помощью которой можно сопоставить основные социально-экономические параметры регионов Российской Федерации за весь период их существования с 1990 г.

Приведу некоторые цифры — сравню параметры Дагестана, наиболее крупной республики Кавказа, с Красноярским краем, откуда направлен к горцам Александр Хлопонин повышать их качество жизни и бороться с преступностью, как напутствовал его президент Медведев. Вот данные за 2008–2009 гг.: сначала по Красноярскому краю, а потом — по Дагестану. Продолжительность жизни: 67 лет и 74 года (а по Ингушетии — даже 79 лет). Разница в 7–10 лет. Фантастика. Смертность на 1000 жителей: 13 случаев и 6 случаев. Различие в два с лишним раза.

Реплика докладчика:

А в криминальных параметрах разница еще больше.

И.А. Гундаров:

Да, еще больше. Я продолжу. Вот данные по самоубийствам: 21 случай и 5 случаев на 100 тыс. жителей, т. е. в Крас-

ноябрьском крае положение трагичнее в четыре раза, а он представляется «наверху» как эталон. Убийства: 14 случаев и 6 случаев на 100 тыс. жителей, — разница в два с лишним раза. По грабежам и разбоям — разница в 10 раз, по общей преступности — разница в 5 раз. И при этом Александр Хлопонин, не смущаясь, поехал на Кавказ снижать преступность и улучшать качество жизни, хотя у себя дома не справился с этими проблемами при более благоприятных условиях.

Экономически вы, конечно, беднее: годовые социальные расходы на одного жителя в Красноярском крае составили 27 тыс. руб., а в Дагестане — 11 тыс. руб. Если же говорить о справедливости распределения доходов, то у вас справедливости больше. Доля бюджета на социальную сферу в Дагестане составила 58%, а в Красноярском крае — 49%. Расслоение населения по соотношению 20% самых богатых и 20% самых бедных семей (коэффициент фондов) у вас равен 13 раз, а в Красноярском крае — 17 раз.

Докладчик:

Откуда эти данные?

И.А. Гундаров:

Это официальная статистика Росстата.

Теперь относительно экономической сферы. Здесь индикатором проверки на прочность служит динамика промышленного производства в годы нынешнего кризиса. По России спад составил 11%, по Красноярскому краю — 6%, а Дагестан увеличил (!) производство на 9%. Поразительно, но факт. А что республика планирует на ближайшее десятилетие? Привожу материалы авторитетного журнала «Эксперт». Медведев и Путин мечтают о 3–5% ежегодного промышленного роста, т. е. к 2020 г. суммарное увеличение достигнет 30–50%. А Дагестан планирует увеличить валовой региональный продукт в 5 раз, т. е. на 400%. Инвестиции в производство предполагается поднять в 6,5 раза. Объем сельскохозяйственной продукции возрастет в 3,5 раза.

За счет чего такая разница экономической эффективности — особенно в последнее пятилетие — в Дагестане? Как следует из материалов журнала «Эксперт», ваша экономика выбрала трехсекторную модель, по типу времен НЭПа, совмещающая все разумное, заимствованное от государственной, кооперативной и частной собственности. Крупное производство находится в собственности государства, а управление осуществляют нанимаемые талантливые менеджеры, и предприятия функционируют как автономные хозяйства. В результате, государство осуществляет долгосрочное инвестирование, чем гарантирует хозяйственную стабильность, не ущемляя функциональную свободу. В сельском хозяйстве вы имеете прекрасный опыт организации производства по модели Чартаева — кооперативное ведение дела. Такое сочетание порядка и свободы, плана и рынка обеспечивает удивительную экономическую динамику, которая сейчас и наблюдается.

Теперь о качестве жизни. Это ориентир, по которому страна должна давать интегральную оценку правильности своего движения. Если взять за эталон 100 баллов, то в Дагестане показатель качества жизни в 2009 г. составил 88 баллов, а в Красноярском крае — всего 17 баллов. Я уже не говорю о том, как Дагестану удастся на маленькой территории сохранять межнациональный мир 100 разным национальностям и народностям.

Что касается терроризма, это особая тема, которую надо обсуждать отдельно. Нельзя ее путать с общей преступностью, у них бывают разные корни. И решать ее надо деликатно, не унижая горский народ ошибочными обвинениями и грубым насилием. Вы, как мудрый представитель малого народа, очень аккуратно коснулись этой темы. А мне можно быть более прямолинейным. Ведь начав первую чеченскую войну, мы поступили с местным населением безобразным образом, оставили столько незаживающих ран. Я бы начал борьбу против терроризма на Кавказе с того, что осудил

произошедшую страшную мясорубку и назвал зачинщика — Бориса Ельцина. Он первый выпустил зло на свободу, дав ему легитимное существование через вооружение Дудаева для разгона Верховного Совета Чеченской Республики, через расстрел Верховного Совета РСФСР, через благословление Грачева на военное преступление против своего же народа. И за это надо извиниться. Ведь народ обиду долго помнит, особенно горский. Нынешние корни терроризма — не в экономике, а в несправедливости, которой в Москве не меньше, чем в Махачкале или Назрани.

Кавказ и большая геополитика

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Среди проблем, обозначенных в докладе, номинирована и такая как «внешнее управление». Предпринятый анализ дает основание утверждать, что это ключевой фактор в объяснения той деструктивной ситуации, которая сложилась на Северном Кавказе. В значительной мере северокавказский узел противоречий есть прямая проекция сформировавшейся к настоящему времени диспаритетной, неокOLONиальной модели глобального мироустройства. И Кавказ является на сегодня одной из важнейших клавишей управления миром.

При объяснении ситуации на Северном Кавказе сейчас искусственно навязывается доминация исключительного действия этнокультурных факторов. Проводится тезис о том, что вражда племен — это едва ли не норма для Кавказа, особый кавказский рок. Отсюда делается вывод, что преодолеть религиозную и этническую вражду в регионе принципиально невозможно. Отсюда же популярная апелляция к будто бы эффективной для кавказских условий ермоловской тактике. В общем, навязывается стереотип, что всегда, испокон веков

народы Кавказа были разбойники, и ничего иного, нежели разбой, они не хотят и не умеют. По существу действует старый колониционный прием конструирования образа «дикаря».

Если мы посмотрим на кавказскую проблему с точки зрения больших геополитических столкновений, то многое становится понятным. Испокон веков важнейшей торговой артерией Евразии являлся Великий шелковый путь (названия его исторически варьировались). Посредством этого пути осуществлялся товарооборот между Азией и Европой. Доходя до Прикаспия, далее он разделялся на две ветки. Одна траектория была направлена на юго-запад, на территорию Турции. Другая ветка направлялась на северо-запад, пролегая через Кавказ. Соответственно, возникал геополитический вызов: кто будет осуществлять контроль за этой артерией? Прежде всего сталкивались в данном случае позиции Турции и России. Для Османской империи, а также для стоящего за ней Запада, было стратегически важно дестабилизировать Северный Кавказ. Помимо всего прочего, это был еще и вопрос о контроле над Индией.

Сейчас по сути та же самая геополитическая повестка. По какой территории пройдет пресловутый нефтепровод, снабжающий Запад каспийской нефтью? Кто возьмет на себя роль транзитера в торговле Европы с Индией и Китаем?

В связи с этим возникает вопрос: а можно ли вообще примирить Северный Кавказ? Да, пример такого примирения известен. В последней четверти XIX в. — после того, как закончилась Кавказская война — на Северном Кавказе установилась более или менее благоприятная ситуация. Почему это стало возможно? Прежде всего потому, что изменилась геополитическая конфигурация мира. 1859 г. был не только годом пленения Шамиля, но и годом учреждения компании, которая ведет разработку Суэцкого канала. С 1860-х гг. новый путь, связующий Европу и Азию, уже функционирует.

Траектория торговых потоков меняется, и интерес мировых сил управления к Северному Кавказу на некоторое вре-

мя ослабевает. И это продолжалось до того времени, пока не актуализировалась проблема нефти. Переход к нефтяному ресурсообеспечению обусловил новое геополитическое столкновение интересов в борьбе за Кавказ.

Кавказ сегодня аккумулирует все латентные механизмы мирового глобального управления. Какие сферы бизнеса приносят в настоящее время наибольший доход? Помимо эмиссии денег, это, как известно, торговля нефтью, оружием и наркотиками. Удивительным образом все эти составляющие нашли свое воплощение в выстраивании кавказского геополитического узла.

О значении нефтяных потоков сказано уже довольно много. Помимо легальной, на Кавказе существует еще и нелегальная нефтеторговля.

Другой сверхдоходный бизнес — торговля оружием. По общим экспертным оценкам, Кавказ — это один из главных центров нелегальной торговли оружием в современном мире.

Ну и, наконец, торговля наркотиками. Согласно данным, приводимым руководителем Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Виктором Ивановым, с начала проведения американской антитеррористической операции в Афганистане объем производства опиатов в этой стране увеличился в 44 раза. Кавказ становится одним из главных отрезков мирового наркотрафика. Достаточно сослаться на выступление В. Иванова: «В последние годы мы фиксируем тенденции расширения градиента северного направления наркотрафика в сторону Северного Кавказа. Рост объемов изъятого героина в Северо-Кавказском федеральном округе свидетельствует о восьмикратном увеличении наркодавления на этот регион России. При этом в Дагестане этот наркопресс вырос за минувший год в 60 раз! Последствия этого очевидны: растущий трафик влечет за собой пропорциональный рост преступности, террористической активности, ее финансирования и дестабилизирует ситуацию на Кавказе. По сути, афганский наркотрафик стал катализатором разви-

тия негативных процессов на Северном Кавказе. Ключевые директории наркотрафиков пролегают через акватории Черного и Каспийского морей с использованием морских портов Ирана (Энзели, Ноушехр), Турции (Стамбул, Трабзон), Туркмении (Туркменбаши) и Азербайджана (Баку), а также транзитного потенциала территории Грузии».

Многое, учитывая все эти латентные потоки товарооборота, становится понятным. За столкновением различных политических сил прослеживаются тривиальные финансовые интересы мафиозных группировок.

Какое может быть отношение российских властей к этим вызовам? Первый вариант — последовательная борьба с мировой преступностью (прежде всего с мировой наркомафией). Это предусматривает силовой, военный сценарий. Второй вариант — закрыть глаза и, по возможности, получить свою долю от этих потоков. Появление во властном кавказском истеблишменте таких фигур, как бывший боевик Р.А. Кадыров или успешный менеджер А.Г. Хлопонин, заставляет предположить, что выбран именно второй вариант — участие России в контроле за всеми этими контрабандными потоками и получение с них соответствующих дивидендов.

«Большая империя, как большой пирог, легче всего объедается с краев», — заявлял в свое время Бенджамин Франклин на страницах памфлета «Как из великой империи сделать маленькое государство». Как, в связи с этой формулой знаменитого американского президента, можем мы оценить создание Северокавказского федерального округа? Идея отлома маленьких кусков от России, типа отделения Чечни, не состоялась. Силовой весомости этого субъекта оказалось недостаточно. Перспектива отлома Южного федерального округа, в виду значительной представленности в нем русского населения, оказалась еще менее вероятной. А вот отделение от России Северо-Кавказского округа — другое дело. Риск потери Российской Федерацией Кавказа при новом разграничении федеральных округов определенно повышается.

Чтобы успешно решать проблемы Северного Кавказа, самой России, необходимо самоопределиться. Прежде всего требуется ответить на вопрос: готова ли она сегодня к геополитическому позиционированию в качестве великой мировой державы? Если готова, тогда и Кавказ встраивается в соответствующую российскую геополитическую проекцию. Если нет, если сама Россия вписывается в чужую игру, тогда и проблема Кавказа останется, в лучшем случае, в том состоянии, в каком она находится и сегодня.

Проблемы Кавказа и глобальная ситуация

К.В. Сивков, доктор военных наук

Сегодня достаточно подробно рассмотрена ситуация, складывающаяся в кавказском регионе. Выступающие очень детально раскрыли региональные, специфически кавказские проблемы и тенденции. Однако существует еще целый ряд факторов, оказывающих большое, если не решающее влияние на развитие обстановки на Кавказе.

Первый из них — геополитический. Глобальный кризис развивается. Предпринимаемые меры к его разрешению не приведут к желаемому результату, поскольку этот кризис порожден фундаментальными цивилизационными противоречиями, имеющими к тому же антагонистический характер. Для выхода из этого кризиса без существенной ломки сложившейся в рамках западной цивилизации социально-политической системы последняя должна добиться установления контроля над мировыми запасами ресурсов.

Кавказ является одним из важнейших геополитических плацдармов, контроль над которым создает исключительно благоприятные условия для решения ключевых для Запада геополитических задач:

Действуя с кавказского геополитического плацдарма в западном направлении возможно отсечь от России Краснодарский край и Ставрополье, и тем самым превратить Черное море во внутреннее море блока НАТО, а также получить доступ к ресурсам Каспийского моря.

Оказывая геополитическое давление на Россию в северном направлении можно решить задачу ее рассечения.

Воздействия с кавказского геополитического плацдарма в восточном направлении позволят решить задачу установления контроля над центрально-азиатскими республиками бывшего СССР и в дальнейшем выйти к западным регионам Китая.

Наконец, контролируя Кавказ Запад получает исключительно важный геополитический и военно-стратегический плацдарм для воздействия на страны Ближнего и Среднего Востока — важнейшего мирового нефтеносного района.

Поэтому, судя по развитию обстановки и практическим действиям различных стран Запада — прежде всего США, — задача отсечения от России кавказского региона является для них одной из ключевых.

Именно по этой причине, как это уже справедливо отмечалось в предшествующих выступлениях, сегодня Кавказ является одной из главных «точек прицеливания» ведущих геополитических сил — в первую очередь США, а точнее — атлантической оси Лондон — Вашингтон.

Подконтрольная США Грузия маловата для организации мало-мальски серьезного геополитического и военно-стратегического давления. Поэтому и добиваются они «восстановления ее территориальной целостности», способствуют любыми возможными, в складывающейся обстановке, путями дестабилизации ситуации в кавказских республиках — для отторжения их от России. Самостоятельно такие малые государства в нашем бурном и высокотехнологичном мире существовать не смогут и будут вынуждены, отойдя от России, подчиниться США, стать их военной базой, подобно Косово.

Вооруженный конфликт, развязанный Грузией с одобрения тогдашней американской администрации 8 августа 2008 г., был неудачной попыткой решить этот вопрос военным путем.

Сегодня США от этой цели не отказываются. Новая администрация лишь меняет способы действий. Это прямо следует из новой стратегии национальной безопасности США.

Вторым важным фактором является характер сложившихся в России властных элит. В отношении их господин Бжезинский ядовито заметил: «Ваша элита содержится в наших банках 500 миллиардов долларов. Так какая это элита, ваша или наша?». Комментарии, как говорится, излишни. Страна, в банках которой лежат деньги нашей элиты, определяет в основном направленность ее внешней и внутренней политики, линию поведения. Поэтому когда говорят, что кто-то неправильно действует, неточно высказывается, это неверно. Действуют они правильно, только не в интересах России, а в интересах Запада. В интересах Запада громят российские Вооруженные силы и в интересах Запада взрывают Кавказ.

Сегодня наглядно показано: на основании представительной статистики, Кавказ — совершенно не взрывоопасный регион. Взрывоопасным его делают антироссийские силы — западные спецслужбы и корыстные, связанные с Западом политические элиты России, в том числе и часть кавказских.

Мне очень больно за всех погибших в терактах в московском метро, в том числе и за ту юную 17-летнюю девочку, которую использовали в качестве бомбы. Сначала ее, почти ребенка, довели до такого состояния, а потом убили вместе с другими такими же молодыми ребятами и девчатами. Это наша общая боль. И те, кто это организует, способствует этому прямо или косвенно, должны ответить, начиная с тех, кто взрывал Кавказ в девяностые — с ельцинской команды — и заканчивая нынешними олигархами, умножающими на крови и несчастьи нашего народа свои капиталы.

Третий важный фактор — военно-стратегический. Ведение террористической деятельности предполагает наличие

подготовленных кадров, надлежащей системы технического обеспечения и необходимой системы управления террористическими действиями.

Достаточно напомнить, что людей надо как-то доставить сюда, решить другие чисто технические вопросы, о которых все говорили.

То есть существует мощная система. Как показывает анализ, эта система включает в себя четыре уровня.

Первый уровень — это те, кто собственно взрывает — боевики.

Второй уровень — непосредственные организаторы террористической деятельности в регионах — полевые командиры. Вот сегодня в основном только против этих двух уровней и ведется борьба.

В третий уровень, представленный структурами, осуществляющими оперативное руководство террористической деятельностью, ее всестороннее обеспечение — прежде всего материальное, духовное и кадровое, — зачастую входят компоненты крупных мировых спецслужб — в частности, таких как ЦРУ и Моссад, а также отдельные региональные элементы мировой банковской системы.

Высший четвертый уровень представлен теми силами, которые осуществляют общее, я бы сказал, глобальное, целеполагание террористической деятельности. Это прежде всего те, кто заинтересован в формировании мирового хаоса — мировая финансовая транснациональная элита, которая за счет этого рассчитывает достигнуть мирового господства.

Эти высшие уровни никто даже не пытается трогать. И пока они существуют, будет существовать терроризм. Поэтому, сколько бы мы ни изучали теорию борьбы с террором, как ни старались бы познать психологию ваххабитов, ни к чему это не приведет. Всегда найдут несчастного человека, на которого навесят «пояс шахида» и отправят что-нибудь взрывать.

Пока не будет пресечена деятельность заказчиков международного терроризма, успехов в борьбе с ним не видеть. Как

говорится, надо бить по штабам, т. е. по тем, кто заинтересован в терроризме — в первую очередь, по коррумпированным элитам, многие представители которых часто находили и до сих пор находят место в Кремле, как это ни парадоксально. Достаточно вспомнить господина Березовского.

В заключение хочу отметить, что сегодня ведущими политическими силами ставится вопрос построения нового мирового порядка как главное средство разрешения глобального кризиса. С этим, безусловно, следует согласиться. Однако в истории еще не было случаев, чтобы новый мировой порядок устанавливался бескровно. Дважды перестраивался мировой порядок в XX в. и оба раза в форме мировых войн. Вполне возможно, что мы стоим на пороге третьей. Судя по развитию мировых процессов сейчас формируются те самые коалиции, которые будут воевать в этой войне, формируются их идеологические базы. И Кавказ в этом деле играет ключевую роль. Поэтому для прогноза развития ситуации на Кавказе мало рассматривать систему региональных отношений и интересов. Основными игроками на «кавказской шахматной доске» являются глобальные силы.

Проблема не в Кавказе. Проблема в России

*С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук*

У меня есть определенный тезис по обсуждаемой теме. Собственное мнение или вывод из дискуссии я сформулирую в конце. А сейчас хочу апеллировать к участникам дискуссии, чтобы провести блиц-экспертный эксперимент, в том числе по идеям, которые чрезвычайно фундаментальны — для меня они частью оказались неожиданными — и которые были выдвинуты в докладе.

Попробуем задать важнейшие вызовы по обсуждаемой проблеме и дать им оценку. По сути это будет экспертная факторная оценка (табл. 1). Такой анализ позволяет увидеть ключевые факторы.

Таблица 1

**Экспертная оценка действия разных факторов
на ситуацию на Кавказе**

№	Фактор кавказской ситуации	Фактор влияет положительно на функцию цели*	Фактор влияет отрицательно на функцию цели	Фактор никак не влияет
1	Явные цели федерального Центра	7	1	5
2	Теневые цели федерального Центра	-	12	0
3	Реальные действия федерального Центра	0	8	0
4	Экономическая политика федерального Центра: инвестиции	6	0	0
5	Экономическая политика федерального Центра: дотации	7	4	0
6	Действия криминала (коррупции)	0	11	0
7	Влияние единого русского языка	13	0	0
8	Единая идея общей для всех народов России большой страны	13	0	0
9	Влияние православия на ситуацию	6	1	2

Продолжение таблицы 1

№	Фактор кавказской ситуации	Фактор влияет положительно на функцию цели*	Фактор влияет отрицательно на функцию цели	Фактор никак не влияет
10	Влияние российского централизованного ислама	5	2	5
11	Информационное воздействие телевидения	0	11	0
12	Информационное воздействие Интернета	3	7	3
13	Федеральное военное оборонное присутствие в регионе	11	0	0
14	Федеральное силовое правоохранительное присутствие в регионе	4	6	0
15	Общая история, общая Победа 1945 года	9	2	1
16	Общая масштабная ценностная идея (например, социализма, социальной справедливости)	11	0	0
17	Присутствие в регионе единой российской партии	3	4	5
18	Действие в регионе западного проекта по Кавказу	0	12	1

* Под функцией цели экспертам предложено понимать «Мир, процветание, развитие Кавказа и России»

Результаты блиц-опроса показали, что, во-первых, предложенные факторы влияния на ситуацию в основном признаны в качестве действующих факторов. Во-вторых, степень консолидированности оценки по большинству вопросов оказалась высокой. Только несколько вопросов вызвали неоднозначную оценку.

Но в целом оценка ясно показывает, что основной тревогой является политика федерального Центра и иностранное влияние на ситуацию. Вместе с тем, выявляются значимые ресурсы для улучшения ситуации на Кавказе.

Блиц-опрос, который мы проводили с вами, не является вершиной экспертного анализа, но он важен, поскольку проводится в углубленно погруженной в тему дискуссии группе экспертов. Кроме того, могут быть выявлены резкие, полярные оценки, которые, как правило, достоверно воспроизводятся и в иных формах оценок.

Итак, что получилось?

Глядя на полученные с вашей помощью результаты, мы увидели совершенно отчетливый диагноз ситуаций.

А теперь я могу сказать о гипотезе, о которой упомянул в начале. Так вот, весь доклад и все наше обсуждение было посвящено теме Кавказа, которую мы верифицируем. Но! Оказывается, что основная проблема не в Кавказе. Проблема в России! Точнее, в московской политике. И пока она в Москве не будет решена, она и там, на Кавказе, не будет решена. Мы видим, что Центр генерирует изрядную часть проблемы. Не знаю, ожидаемый это или неожиданный вывод, но мы его сделали вместе. Это мнение сетевого интеллекта, распределенной экспертной оценки. Люди здесь собрались подготовленные к этому экспертному разговору, представили компетентный, широкий, многоаспектный доклад-установку. Умы и компетенции соответственно настроились. Им было предложено сделать разрозненный, невзаимосвязанный выбор, хотя я и сделал проверочную закладку.

Вывод сделан. Из этого вывода становится понятной интерпретация многих «чудес»: А что там делает Хлопонин? Зачем его туда послали? А зачем изобрели Северо-Кавказский округ, когда был Южный округ? Многие «что» и «зачем» получают ответы. Они связаны с тем, что есть «проект», по которому сейчас работает федеральный Центр — и применительно к Кавказу, и применительно к себе, и применительно к школе, и к вузу, и к военной реформе, и к какой угодно государственной политике. Это не вполне российский проект. На сегодня та волна, которую называют «модернизация» — это явная переключка с перестройкой товарища Горбачева. Уже очевидна эта реконструкция. Каков тогда был «проект» и к чему он привел? И вот сейчас нынешняя модернизация, ренессанс горбачевщины и ельцинщины. Отсюда наша тревога. Она — по поводу судьбы общей нашей страны, от которой неотрывна и судьба Кавказа. Все перемешано и связано для тех, кто живет вместе испокон веку.

Пожалуйста, заключительное слово докладчика.

Заключительное слово докладчика

Спасибо за высокую оценку доклада и такое заинтересованное обсуждение! Хотелось бы обратить внимание на выступление С.Г. Кара-Мурзы. Он подал идею о том, что может быть, федеральная власть (или отдельные влиятельные круги в Центре) и их клиента в регионе сознательно поддерживают ситуацию «контролируемого хаоса», исходя из собственных интересов, идентифицируя их с интересами безопасности России. Я бы ответил на такую постановку проблемы следующим образом. Уж лучше, на худой конец, контролируемый хаос *без крови*, чем хаос с большой кровью. А там сейчас мы имеем дело с контролируемым хаосом с большой кровью.

В регионе мы по сути имеем дело с ситуацией вялотекущей гражданской войны с отчетливым религиозным оттенком. Поэтому у нас такой эмоциональный подход к проблемам региона. Надо добиваться терпимого (бескровного) отношения конфликтующих сторон внутри одной конфессии, дающего возможность оставаться на своих идеологическо-богословских позициях. Положительный результат не заставит себя долго ждать.

Что касается функционирования федеральной власти, то можно отметить одну закономерность. В федеральном Центре можно выделить две тенденции: одна, которая вписывается в западный проект со всеми вытекающими последствиями; вторая — неконсолидированная, рассредоточенная и с минимальными ресурсами, но несущая в общество и в постсоветское пространство идею возрожденной России — Новой России, со своей цивилизационной миссией. Об этом я писал в статьях на темы «конфликт элит и судьба России» и «антисистема и стратегия развития России» в научно-аналитических журналах: «Обозреватель», «Наука. Культура. Общество», «Политический класс» и «Политический журнал».

Так вот, в российской элите можно четко обозначить эти две тенденции и третью линию поведения, которая представляет собой некий компромисс между этими крайностями. Национально-ориентированная стратегия и ее элитный слой в обществе представлены множеством неконсолидированных групп, движений, центров научно-проектной мысли. Мы сегодня находимся в одном из таких центров. Проблема же заключается в том, что мы не консолидированы. Наши сторонники и потенциальные союзники разобщены и позволяют манипулировать собой.

Что касается вопроса В.Э. Багдасаряна по поводу наркотрафиков. Эта информация очень интересная. У меня нет таких данных. Скорее, это пропагандистская уловка.

В.Э. Багдасарян:

Называлась цифра по динамике перевозок.

С.С. Сулакшин:

Трафик — это когда 20 кг несут в сундуке. А когда человека поймали с наркотиком в кармане — это не трафик, но его могут причислить по статье о распространении, а не как больного наркомана.

Д.Ш. Халидов:

Наконец, последний момент. Пытаясь анализировать шаги и риторику руководства СКФО, складывается следующее впечатление. Мы опять наблюдаем имитацию решения проблемы. Похоже что «площадка» в виде СКФО создана, в том числе, и в качестве трамплина для карьерного роста (коего) в правительственной иерархии РФ. Создание округа — хотя мы сами были сторонниками этого округа, исходя из накопившихся проблем — служит в том числе и этой задаче. Помимо тех, о которых мы здесь говорили,

Этот властный институт может работать как на решение позитивной задачи, так и негативной. Это зависит и от нас,

а не только от федерального Центра. От политического сообщества, общественных движений зависит то, в каком направлении Правительство России будет работать в отношении Северного Кавказа.

А с Вами, Игорь Алексеевич (Гундаров — *ред.*), позвольте не согласиться. Вы назвали регион цивилизацией в том плане, что она может подать пример для России. В каком-то отношении — да. Есть в регионе такое, с чего следует брать пример и на что опираться самой России. Но когда я говорил, что Россия — мировая цивилизация, то имел в виду следующее: Россия — носитель особой миссии, и она дает возможность в рамках своей цивилизации сохранять и развивать свою идентичность для многих народов. Мы реально оцениваем свои возможности, геополитическую ситуацию, складывающуюся в регионе. Кроме того, мы говорили и о последствиях западного проекта для региона. Так что интересы Северного Кавказа прочно связаны с Россией.

В заключение хочу поблагодарить организаторов «круглого стола», лично Степана Степановича Сулакшина и весь дружный коллектив Центра проблемного анализа за предоставленную возможность здесь выступить. Желаю вам успехов, настоящего признания в научно-патриотических кругах и как можно больше сторонников и союзников! Надеюсь на наше (Академии геополитических проблем и Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования) тесное сотрудничество в будущем.

Спасибо за внимание!

**Участники круглого стола
«Проблемы Северо-Кавказского
федерального округа»**

Аверков Виктор Викторович — научный сотрудник Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Багдасарян Вардан Эрнестович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного университета туризма и сервиса

Булатов Абдугамид Османович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН

Гундаров Игорь Алексеевич — доктор медицинских наук, кандидат философских наук, профессор, руководитель лаборатории функций и методов управления здравоохранением НИИ общественного здоровья и управления здравоохранением ММА им. И.М. Сеченова

Идалбаев Абу Магомедович — кандидат физико-математических наук, зам. председателя исполкома «Российский конгресс народов Кавказа»

Кара-Мурза Сергей Георгиевич — доктор химических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН

Орлов Игорь Борисович — доктор исторических наук, профессор, Государственный университет-Высшая школа экономики

Сафонова Юлия Александровна — руководитель аналитического отдела Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Семирякова Елена Геннадьевна — председатель Центрального правления Общероссийской общественной организа-

ции «Женский диалог», председатель попечительского совета Центра кавказских исследований МГИМО (У) МИД

Сивков Константин Валентинович — доктор военных наук, первый вице-президент Академии геополитических проблем

Сулакшин Степан Степанович — доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Халидов Денга Шахрудинович — доктор политологии, вице-президент Академии геополитических проблем, сопредседатель Российского конгресса народов Кавказа

Приглашаем к сотрудничеству!

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования — современная динамично развивающаяся научно-экспертная и проектная организация. В Центре накоплен существенный практический опыт, кадровый потенциал и осуществляются не только фундаментальные разработки. Специалисты Центра успешно организуют и проводят научно-прикладные исследования и оказывают консалтинговые услуги в следующих сферах:

1. Разработка проектов нормативных правовых актов, в том числе концептуального, доктринального и программного характера, федерального, регионального и местного уровня.
2. Актуальное и проблемное информационно-аналитическое обеспечение деятельности руководства органов государственной власти, коммерческих организаций.
3. Управленческое и правовое консультирование по вопросам технического регулирования, разработка нормативных правовых и локальных актов в сфере технического регулирования.
4. Управленческое и правовое консультирование по вопросам интеллектуальной собственности, разработка нормативных правовых и локальных актов в сфере охраны интеллектуальной собственности.
5. Прикладные научные исследования в сфере экономики, права, управления.

Работы выполняются на основе собственных оригинальных методологий, пользуются спросом более чем в 20 странах мира.

Научный руководитель Центра — доктор политических наук В.И. Якунин.

Возглавляет Центр доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор С.С. Сулакшин.

Центр заинтересован в творческих заказах, приглашает к сотрудничеству и партнерству.

Наш адрес:

107078, Москва, ул. Каланчевская, д. 15 (подъезд 1, этаж 5).

Тел./факс: (495) 981-57-03, 981-57-04, 981-57-09,

www.rusrand.ru; e-mail: frpc@cea.ru

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН продолжает работу по развитию экспертного сообщества «Российский сетевой интеллект». Аналогом является известное экспертное сообщество ЦРУ США, возможностями которого широко пользуются официальные структуры американского государства.

Речь идет о сетевом интеллекте как о современном инструменте научного процесса.

Экспертное сообщество решает конкретные задачи: проводит анализ и дает прогноз развития социально-экономической и политической ситуаций в стране, участвует в инициативных проектах по актуальным и проблемным сторонам российской действительности (демографии, госуправления, экономики и т. п.).

На сегодняшний день в экспертное сообщество входят более 300 экспертов — представителей свыше 60 городов России, а также четырех стран постсоветского пространства и двух стран дальнего зарубежья; более 26% сообщества составляют доктора наук, 50% — кандидаты наук.

Наиболее важные научные продукты сообщества (например, экспертный доклад «Финансово-экономический кризис (источники, развитие, прогноз)», <http://www.rusrand.ru/text/Otchet_FEK.pdf>) доводятся до руководства страны и фактически дают возможность передачи ему мнения независимых от политических и субординационных обстоятельств научных кругов. Единственный критерий передаваемых материалов — их научная достоверность. Это, на самом деле, пусть не очень большая, но реальная возможность гражданской самореализации для многих российских ученых, особенно из различных регионов страны.

Формирование единого экспертного сообщества является шагом к созданию реально функционирующей «фабрики мысли», концентрирующей национальный интеллект и соединяющей его с действующей властью.

Желающих принять участие в работе экспертного сообщества приглашаем зарегистрироваться в качестве эксперта на сайте: ***www.rusrand.ru***.

Сообщество строится по принципу «снежного кома». Вы можете порекомендовать в качестве экспертов известных Вам профессионалов в различных областях знаний.

Любые вопросы можно уточнить по e-mail: ***expert@rusrand.ru***.

Научное издание

Проблемы Северо-Кавказского федерального округа

Материалы круглого стола

Редактор *Ю.Е. Мешков*
Ответственный за выпуск *О.А. Середкина*
Художественное оформление *С.Г. Абелина*
Компьютерная верстка *О.П. Максимовой*

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

Наш адрес:
107078, Россия, г. Москва,
ул. Каланчевская, д. 15, подъезд 1, этаж 5
Тел./факс: (495) 981-57-03,
981-57-04, 981-57-09
E-mail: frpc@cea.ru
www.rusrand.ru

Сдано в набор 01.07.2010 г.
Подписано в печать 05.07.2010 г.
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 7.
Отпечатано в ООО «Типография Парадиз»
Тираж 500 экз. Заказ 000